

Елена Усачева

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ 58

Корабль
мертвецов

Когда статуя
оживает

Елена Александровна Усачева
Большая книга ужасов – 58 (сборник)
Серия «Большая книга ужасов», книга 58

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8343902

Усачева, Елена Александровна. Большая книга ужасов. 58 : повести: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74782-5

Аннотация

«Корабль мертвецов»

Жизнь Вальки в одночасье превратилась в сплошной фильм ужасов. Не давая перевести дух, за ним гоняются скелеты, одноглазые монстры, взбесившиеся трамваи и агрессивные привидения. Что это: глюки после напряженного учебного года? Но откуда тогда взялся загадочный медальон, который выронило одно из чудовищ? Медальон-то вполне настоящий – он не исчез, когда Валька решил его подобрать. Если нечисти нужна именно эта вещь – пожалуйста, Валька готов отдать находку. Но призраки почему-то отказывались забирать свой амулет. И Валька долго гадал бы, что нужно от него компании чудовищ. Но вот на горизонте показался... Летучий Голландец – зловещий корабль под черными парусами...

«Когда статуя оживает»

Еще с тех незапамятных времен, когда летний лагерь «Дружба» назывался пионерским, стояла в нем тихо-мирно гипсовая статуя барабанщицы – и вдруг... Ночную тишину разрывает мерная барабанная дробь, и забытое всеми изваяние разгуливает по лагерю, заглядывает в окна, протягивает к ребятам полуосыпавшиеся руки. И все, кто повстречался с ожившей скульптурой, исчезают без следа. «Неужели и нас ждет та же участь?!» – холодея от страха, думают двое неразлучных друзей, и вот тут из подводных глубин появляется живая утопленница...

Содержание

Корабль мертвецов	5
Вступление	5
Глава I	9
Глава II	18
Глава III	30
Глава IV	39
Глава V	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Елена Усачева

Большая книга ужасов. 58 (сборник)

© Усачева Е., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Корабль мертвецов

Вступление Спор на кухне

На маленькой кухне, где ничего, кроме квадратного стола и пары табуреток, не помещалось, сидели двое мужчин. Одному было лет тридцать. Он был невысокий, полный, жиденькие волосы собраны в тощий хвостик. Круглое лицо, когда он улыбался, на щеках появлялись ямочки. На плечи накинута черная рубашка. Второй был чуть старше, а может быть, и не старше, только выражение его, казалось, навеки утомленного лица было брезгливо, что всегда старит людей. Голову его венчала небольшая лысина. Он тоже был одет во все черное – черная куртка и черные узкие брюки.

Сидели они уже давно и давно спорили – оба охрипли и, чтобы совсем не потерять голос, прихлебывали остывший, а поэтому совершенно невкусный чай.

– Венечка, что ты мне рассказываешь! – откинулся на спинку стула тощий. – Ну, кто поверит, что какой-то там сантехник стал великим экстрасенсом? Это же смешно!

– И ничего смешного, – суетился толстый Венечка. – Ты тоже не ангел. Мы вместе учились, значит, и ты где-то в чем-то сантехник...

– Где-то... в чем-то... Это все слова. А где дело? – Тощий пригубил чай и поморщился. – Смотри! – Он показал за спину толстого, тот обернулся, пытаясь найти то, на что ему предлагали обратить внимание. Пока он старательно пытался, тощий подлил в свою чашку горячей воды из чайника. – Смотри! – повторил он, подержал ладонь над чаем, на секунду закрыл глаза, вдохнул и облегченно выдохнул. – Попробуй, – придвинул он чашку поближе к другу.

Вениамин осторожно потрогал чашку рукой, над коричневой жидкостью вился дымок.

– Подумаешь! – Он спрятал руки в карманы брюк. – Я тоже много что могу. Меня учили!

– Учили! – расхохотался тощий. – Этому не учат! Надо самому учиться, самому искать, добывать. А ты сидишь на кухне и ерунду говоришь.

– Ой, ой, ой! – Вениамин поплотнее запахнул рубашку. – Ты тоже хорош. Был человек человеком, а сейчас – Зуруф Ороф. Что это такое?

– Эй, полегче! – возмущенно взмахнул рукой Зуруф. – Это имя дали мне при посвящении. Теперь я уже не прежний и со мной старые шутки не проходят. Лучше ты покажи, на что сам способен.

– Приходи ко мне на прием, – легко согласился Веня, – я тебе все покажу.

– Зачем мне театральное выступление? – скривился Ороф. – Ты сейчас покажи. Чего тянуть? Говоришь, научился вызывать духов? Вот и вызови какого-нибудь Пушкина, а я посмотрю. Заодно узнаем, чем должен был закончиться «Евгений Онегин». Давай, не тяни, мне даже интересно стало.

– Чего всем дался этот Пушкин? – насупился собеседник, отодвигаясь от стола. – Он, наверное, икать устал. Придумай что-нибудь пооригинальней.

Зуруф оглядел маленькую грязную кухню, заметил на подоконнике толстую книгу, взял ее двумя пальцами и повертел перед носом друга.

– Что это у нас тут? – Он перелистал затертые страницы. – И давно ты детской литературой увлекаешься? Это же чтение для малышей!

– Для малышей? – возмутился Вениамин. – Ты что, не видишь? Читать разучился? Это же «Легенды Средневековья». Их просто в таком формате издали. Положи обратно! Или тебе с вампиром Дракулой захотелось пообщаться?

– Зачем же так критично, давай что-нибудь полегче. – Длинный палец Орора уперся в картинку. – Вот, смотри – капитан «Летучего голландца» Ван дер Декен.

– Тебе одного капитана или весь корабль? – усмехнулся Вениамин, засучивая рукава. – Предупреждаю, корабль на кухне не поместится.

– Не поместится корабль? Начнем с капитана. А там – как получится.

Вениамин брезгливо отодвинул чашку с «разогретым» чаем, положил перед собой книгу и какое-то время изучал картинку. На ней был старый брошенный корабль, с пробоинами в бортах и с оборванными черными парусами. Навстречу ему шло другое судно, светлое, яркое, оно казалось полной противоположностью черному паруснику. Люди на его борту в панике бегали по палубе – встреча с черным призраком их не радовала. Над картинкой была изображена не то монета, не то значок – ворон со вздернутыми крыльями, на концах которых держится корабль, между голым черепом ворона и днищем корабля – пирамидка из поставленных друг на друга семи человеческих черепов.

Вениамин передернул плечами.

– Жуткая картинка.

– Начинай, – подтолкнул приятеля Зуруф. – Тебе надо его только вызвать. Не обязательно ведь общаться с ним.

Вениамин недовольно посопел, поерзал на скрипучей табуретке, но все же встал, прижал к себе книгу и пошел из кухни.

– Хорошо, – бросил он через плечо. – Ты мне не веришь? Тогда смотри внимательней!

Комната, куда они пришли, оказалась большой, просторной, посередине она была перегороджена черной бархатной занавеской. Со стороны кухни было устроено нечто вроде лаборатории – стояли стеллажи с колбами, небольшой прессовочный станок и верстак.

– Ты здесь вечный двигатель изобретаешь? – усмехнулся Орор. – Или философский камень ищешь? Учти, в Средневековье за такие вещи сжигали на костре.

– Смейся, смейся, – пробормотал Вениамин. – Сейчас тебе будет не до смеха.

Он взял несколько баночек и прошел во вторую половину комнаты, где стоял стол, по стенам были расставлены коробки и книги.

– Бардак у тебя, – поморщился Орор.

В ответ Вениамин покачал головой. Он отодвинул стол, достал из банки кусок серого камня и стал чертить на полу круг. В другой банке нашлись маленькие свечки, их Вениамин расставил вдоль прочерченных линий и зажег. Книгу он положил в центр круга, сам сел рядом, начал что-то бормотать себе под нос, доставая еще из третьей банки серый порошок и посыпая им книгу.

– Книга-то тут при чем? – усмехнулся Зуруф. – Они же не из нее ползут. Это только рассказ. Заметь, детский.

– Не мешай, – медленно проговорил Вениамин, делая отстраняющий жест рукой. Часть порошка просыпалась за круг.

Минуту слышалось ехидное сопение Орора да бормотание Вениамина. Толстяк вскинул руки вверх и четко произнес:

– Призываю! Призываю! Призываю!

Страницы книги шевельнулись, дернул крыльями ворон-мертвец. Орор перестал ухмыляться и попятился. В комнате почувствовался запах моря, послышался шум прибоя и крики чаек.

– Призываю! – прошептал Вениамин, с испугом глядя на ожившую книгу. Остатки порошка посыпались из разжатого кулака.

В комнате захохотало, затрещало, зашипело.

– Я же говорила, что это случится! – раздался торжественный женский голос. – Прошу.

И прямо из книги на оцепеневших магов-недоучков вылетел огромный белый конь с всадницей на спине.

– Фу, как здесь душно! – Девушка недовольно поджала тонкие губки и огляделась. – Где вы там?

По воздуху проплыл призрачный корабль с оборванными черными парусами, тенью промелькнуло несколько фигур моряков, а за ними бесконечная череда скелетов.

– Доволен? – пытаюсь перекрыть поднявшийся шум, спросил Вениамин. – Вот они!

– Как ты узнаешь, что это они? – все еще пытался спорить Зуруф. – Может, это кто-то другой.

Девушка повернула голову на звук, глазами ища и не находя говоривших.

– Конечно, они, – поспешно заверил Вениамин. – Вон идет Ван дер Декен. Все, я их убираю!

Он сунул руку в карман, набрал полную ладонь порошка, поднял над собой, открыл рот, чтобы произнести изгоняющее слово, но не успел. Девушка резко наклонилась с седла, коснулась пальцами раскрытой книги. В ее руке оказалась круглая блестящая медяшка на длинной цепочке. Призрачные тени стали реальными. Безвольно опустив руки, перед ней встал толстый одноглазый капитан, тонкий, как струна, помощник и высокий могучий боцман. Капитан открыл свой единственный глаз и тяжело вздохнул.

– Магда! – взвыл он. – Это опять ты? Убирайся отсюда, ведьма!

– Почему меня все время гонят? – капризно протянула девушка.

– Магда! – вскинул руку капитан. – Ты, как всегда, не вовремя со своими вопросами.

– Ты сказал, что все отдашь, лишь бы обогнуть мыс Доброй Надежды и попасть из Атлантического океана в Индийский, – торжественно произнесла Магда. – Я заберу твою душу, и ты добьешься своего.

– Прочь, ведьма! Мне не до тебя! Почему это нужно каждый раз повторять? – Капитан сжал кулаки, грозно сдвинул брови, сделав шаг к девушке.

– Это твоя судьба! – расхохоталась ведьма. – Забыл? Я напому.

– Не надо, – капитан тут же отступил назад. – Не надо. Ничего не надо. Ты мое проклятие, я уже понял.

– Достаточно? – с дрожью в голосе спросил Вениамин.

Орор был до того удивлен, что даже слова не мог сказать.

Не дожидаясь согласия друга, Вениамин бросил горсть порошка под ноги коню.

– Изыди! – крикнул он, но голос его сорвался.

Магда повернула голову на звук.

– Кто здесь?

– Изыди! – взвизгнул Вениамин. – Уходи!

Конь недовольно фыркнул и повел ушами. Магда расхохоталась.

– А теперь достань нас!

Конь одним прыжком пересек комнату. Затрепетали на ветру порванные паруса, послышалась грозная песня:

Крест и череп, черный флаг,
Прочь несется наш мертвяк...

Пронесшийся по воздуху корабль подхватил стоящих призраков.

– Вениамин, держи их! – завопил Орор, но было уже поздно. Корабль и конь как сквозь землю провалились. Растрепанный Вениамин сидел на полу и тупо рассматривал меловую линию перед собой.

– Как ты мог их упустить! – вопил над его ухом Зуруф. – Как ты мог не удержать их в кругу?

Вениамин рукавом смахнул с круга просыпанный порошок. Едкая смесь сожгла мел, и в линии получился разрыв.

– Этого не может быть! – испуганно прошептал Орор. – Они же разнесут весь город. Да если они только окажутся на улице, вся она тут же превратится в улицу мертвецов.

Вениамин ничего не ответил, он сидел на полу и равнодушно переворачивал страницы книги.

– Делай что-нибудь! – не унимался Зуруф. – Ты их выпустил, теперь ты за это отвечаешь. Они придут к тебе за расплатой!

На странице с двумя парусниками, на том месте, где раньше был нарисован ворон с кораблем и черепами, белело пятно.

Глава I

Поезд мертвецов

Он стоял и смотрел на Вальку, слегка прищурив левый глаз, зажав в левом уголке рта старую треснувшую трубку. Не спеша затягиваясь, странный человек с причмокиванием выпускал густой едкий дым. Дым на мгновение скрывал его страшное лицо, перекошенное уродливым глубоким шрамом, идущим от левого глаза, дробящим переносицу, задевающим правый уголок рта и врезавшимся в скулу. Вместо правого глаза у него была глубокая впадина, в которой уютно устроился паучок.

От созерцания всего этого Вальку затошнило. Он прислонился к стене, но опора плавно ушла из-под него, дав увесистый пинок. Ноги подкосились, зад больно стукнулся о шершавый пол.

– Привет, малява! – раздалось из-за спины, и перед позеленевшим от страха лицом Вальки возникла еще более невозможная личность. Вытянутое худое лицо, тонкий острый, как бритва, нос, маленький узкий подбородок с отваливающейся челюстью. Лицо это было крайне нездорового, серовато-коричневого цвета, с черными трупными пятнами. Реденькие тонкие волосы на его голове стояли ежиком, и было ясно видно, что одного уха у него нет. Дохнув на Вальку гнилью из пасти, лицо улыбнулось, обнажив беззубый рот. – Откуда ты свалился, птенчик?

Валька крепко зажмурился. В ушах застучала кровь.

«Ты-дых, ты-дых... Ты-дых, ты-дых», – вторил гулким ударам сердца перестук колес. На повороте вагон мотнуло в сторону, мигнул свет, закрипели под потолком ржавые железки.

Валька открыл глаза. Свет все так же танцевал по изуродованным лицам.

– Язык проглотил, – усмехнулось существо с трубкой и почесало свой большой живот, обтянутый грязной выцветшей рубахой. Темно-синие полосы на ней подрагивали в такт поезду.

«Пираты», – вяло подумал Валька. Он как замороженный следил за мельтешением полосочек.

По сторонам зашевелились призрачные фигуры, вперед стали выходить скелеты. Они перемещались с легким шуршанием. За их движениями слышался замогильный шепот:

Крест и череп, черный флаг,
Прочь несется наш мертвяк...

Сзади противно заскрежетало железо.

– Болт, а ведь птенчик-то живой! – заметил худой изломанный тип.

– Будет мертвым, – спокойно ответил хозяин шрама. Медленно вынул изо рта трубку, смял ее в руке, кряхтя, наклонился, перегнувшись через свой большой живот, и достал из-за голенища порванного сапога длинный нож, похожий на тесак.

Сзади опять что-то заскрежетало. Валька скосил глаза. Рядом стоял высокий могучий мужчина. Ветхая рубаха не скрывала его широких накачанных плеч, широкой груди. Из-под растрепанного ворота столбом выступала мощная бычья шея. Лицо с квадратным подбородком и расплюснутым носом было совершенно бесстрастно. Вместо одной руки у него была железная перчатка. В задумчивости гигант сжимал и разжимал железный кулак, вбивая его в ладонь нормальной руки. От этого и раздавался скрежет.

– Живой? – из глубины широкой груди пробасил гигант. – Непорядок.

– И правда, – согласился толстый, которого называли Болт. – Мы здесь живых не любим. Мальчики, разберитесь с ним. Бритва, давай.

Худой запустил длинные пальцы за отвороты заляпанного грязью долгополого пиджака и вынул оттуда невероятных размеров бритву, толстую и ржавую. Гигант последний раз сжал кулак и придвинулся к Вальке.

– Я случайно, – взвизгнул Валька, прикрывая голову руками. – Не надо!

Наверное, в эту секунду перед глазами перепуганного Вальки промелькнула вся его короткая тринадцатилетняя жизнь. Он уже вспомнил, как в пятилетнем возрасте в детском саду лопаткой огрел наглого карапуза, который пытался отобрать у него свои же формочки для песка.

На этом его воспоминания прервались. Состав сильно тряхнуло. Из темноты подземелья он вырвался на свет, дернулся и остановился. Все в вагоне повалились друг на друга. Стоящие по краям скелеты издали мелодичный хруст и рассыпались. Перед глазами застывшего в немом оцепенении Вальки мелькнуло прозрачное белое существо с огромными темными глазами. Пытаясь защититься от летевшего прямо на него головой вперед Вальки, существо разжало ладони, и из них выпал плоский темный медальон. Раздался общий вздох. Дверь в противоположном конце вагона распахнулась, и сквозь исчезающие тени к Вальке бросился молодой парень в форменной одежде кондуктора. Он схватил Вальку за шиворот и несколько раз встряхнул. Валька безвольно мотнулся в его сильных руках.

– Ты что здесь делаешь, мерзавец? – гаркнул парень. – Тебе чего, жить надоело?

Валька слабо шевельнул головой, икнул и глупо улыбнулся.

В дверях показалась еще одна фигура.

– Ты чего, Санек? – спросила она хрипло.

– Да вот, Василий Павлович, зайца поймал. – И парень еще раз встряхнул Вальку, пытаясь поставить его на ноги. Но ноги Вальку не слушались, они подгибались, и от этого он валился на бок.

– Эй, парень, ты чего? – Саньке, видимо, надоело держать кулем болтающуюся добычу. Он заглянул в ее лицо и разжал руки.

Валька осел на пол. Глаза Санька проследили за сползающим пареньком. У своих ног он разглядел темную медную плоскую железку на позеленевшей от старости цепочке.

– Твое, что ли? – спросил он, нагибаясь и брезгливо, двумя пальцами, поднимая медальон. Парень даже поморщился, до того противна была ему эта вещь. Валька механически взялся за протянутую ему цепочку и опустил ее в карман.

– А вот мы его сейчас в полицию отведем, – через вагон к ним шел пожилой машинист. – Будет знать, как в технические поезда забираться.

Парень подхватил Вальку под мышки и выволок на перрон.

– А ну, пошли, – опять встряхнул он своего пленника.

Почувствовав под ногами более устойчивую, чем пол вагона, поверхность, Валька приободрился. А когда впереди замаячила хорошо знакомая полицейская форма, он совсем пришел в себя. Как только они приблизились к полицейскому и Санька отпустил ворот его куртки, начав объяснять, откуда взялся безбилетный пассажир, Валька, освобождаясь от руки, лежащей на его плече, резко дернулся вниз, откатился в сторону, подскочил полицейского под ноги и бросился бежать.

В ту же секунду от вагона отделилась невысокая тень, мелькнули длинные растрепанные рыжие волосы. Тень проскочила платформу и спряталась за колонной.

Станция эта была такой же технической, как и поезд. Невысокая и узкая, со всех сторон ее огораживали турникеты. Валька, как заправский бегун на длинные дистанции с барьерами, перемахнул несколько турникетов, перебрался через забор, вихрем пронесся мимо поста полиции, откуда запоздало вслед за ним бросилось несколько мужчин и заверещали

трели свистка. Так, под свист, крики и топот ног, он выбежал к огромным воротам, на которых красовалась большущая красная буква «М». Здесь он плюхнулся на живот и стал протискиваться в щель между двумя неплотно прикрытыми створками и землей. Затрещала зацепившаяся за что-то новенькая куртка.

Топот приблизился, ахнули от удара ворота. Но Валька был уже на другой стороне и мчался прочь от неказистых серых построек, носящих гордое название «Метрострой».

Тень, при свете дня оказавшаяся невысокой пухлой рыжеволосой девчонкой, беспрятственно прошла опустевший пропускной пункт, скользнула за спинами взрослых, толпившихся у ворот, и спокойно вышла через калитку. Глазами поискала быстро удаляющуюся фигурку беглеца. Тяжело вздохнула и медленно побрела в ту же сторону.

– Чайник – он и в Африке чайник, – зло выругался Валька, выбираясь в знакомый район. И тут навстречу ему попался уныло плетущийся одноклассник по прозвищу Вафел. Увидев приятеля, он вздрогнул и остановился.

– Шейкин, – ахнул он, – ты жив?

– А ты хотел, чтоб я умер? – зло осведомился Валька, сжимая кулаки.

Страх прошел, теперь его начинало все бесить. И в первую очередь – тощая фигура Вафли в безразмерной куртке, со съехавшими на кончик носа очками, с зализанными назад волосами, с писклявым голосом, с длинными мосластыми руками, вечно испачканными чернилами. Имя у него было банальное – Коля Семенов. И был он несгибаемым отличником. Таких никто никогда не любит, даже учителя, потому что подобные ученики порой знают больше взрослых. Семенову с первых же дней в школе дали прозвище «Вафля», а по-простому – «Вафел», потому что он всегда и везде тормозил. Как будто прежде, чем что-то совершить, в его голове происходили долгие и сложные математические расчеты. Он не сразу отвечал на вопросы, из его рук всегда выпадал мяч, несколько раз он ухитрялся пройти мимо двери и здорово треснуть лбом о косяк. За то, что он все время «ловил вафли», ему и дали такую кличку.

С Валькой все было гораздо проще. Чайником его прозвали тоже не из-за фамилии, потому что была она у него Шейкин, и не из-за того, что он во всем был новичком. Если бы кто-то только подумал об этом, тут же схлопотал бы лично от него по шее. Это прозвище к нему прилипло после того, как однажды в школьной столовой он опрокинул на себя чайник с горячим чаем. Хохотали все. У Вальки же от боли на глазах выступили слезы. Он схватил этот дурацкий чайник и запустил в смеющихся одноклассников. Шейкин долго противился глупой кличке и бил каждого, от кого ее слышал. Но кличка – вещь такая, если прилипает, то навсегда. В конце концов он смирился, привык.

Чайника и Вафлю свела судьба. Когда Колька в очередной раз сморозил какую-то глупость, Валька пообещал приятелям его расшевелить и поспорил с ребятами в классе, что затащит незадачливого отличника на технический поезд в метро. Была у Чайника такая забава: он любил забираться в проходящие технические вагоны – трамваи, троллейбусы, грузовики. Но самым шиком было запрыгнуть в медленно ползущий мимо платформы ремонтник метро. Правда, для этого приходилось полдня торчать на перегоне, ожидая заветных слов диспетчера: «Уважаемые пассажиры, поезд следует без остановки. Отойдите от края платформы». И в тот момент, когда толпа откатывалась к стене, а из туннеля выглядывал дребезжащий потертый состав, Валька выходил вперед, пропускал головной вагон и запрыгивал на открытую сцепку.

Мимо проносятся вытянутые лица людей, но состав уже ныряет в туннель, набирает скорость и мчится сквозь темноту с грохотом и свистом.

Вафлю он взял на «слабо».

– Что ты можешь, Вафля, кроме как свои книжки читать? – начал Валька издалека.

Коля грустно посмотрел на него и вздохнул. Очки сползли на кончик носа и там застыли.

– Ты вообще видишь что-нибудь, кроме своих дурацких книжек?

Даже если Семенов и собирался что-то ответить, то он это сделать не успел, потому что Валька сразу же ринулся в бой.

– Да тебе слабо от них оторваться и совершить нормальный мужской поступок.

– Какой?

– Тебе же слабо прыгнуть в движущийся поезд? Кишка тонка!

– Вот еще! – Семенов поправил очки и зачем-то прилизал и до того зализанные волосы. – Больно нужно мне ноги ломать.

– Я же говорю – слабо. Ты не только Вафля, но еще и трус.

Неизвестно, о чем в этот момент думал Колька, но он вдруг согласился на предложение одноклассника – отправиться вместо уроков в метро. Ждать им пришлось недолго. Заветное «Уважаемые пассажиры...» прозвучало через двадцать минут после того, как они спустились в подземку. Редкие пассажиры недовольно морщились, отходя в сторону. Из темноты выполз дребезжащий состав. Его вели двое – молодой парень и пожилой усатый дядька. На оставшихся стоять у края платформы ребят они не обратили внимания. Валька опытным взглядом окинул показавшиеся вагончики, головной и два прицепных, оба закрытые. Но первый без задней двери. На этот дверной проем и показал Чайник застывшему Вафле. Тот слабо мотнул головой, продолжая все так же рассеянно смотреть на поезд. Именно поэтому он первый заметил пассажиров в вагоне. Свет в нем горел неярко и все время мигал, но мальчик четко рассмотрел три изуродованные фигуры, что-то белесое, покачивающееся на цепях, скелеты, замершие по стенам.

Увиденное было настолько неожиданным и невозможным, что он открыл рот. В этот момент Шейкин шагнул в вагон, дернув за собой застывшего одноклассника.

Коля видел, как Чайник удачно прыгнул внутрь, как фигуры тут же окружили его, как отлепились от стен скелеты, как слетело с цепи нечто прозрачное. Он даже услышал скрип этой самой цепи...

И все исчезло. Качнулись красные огни последнего вагона.

Поняв, что он вошел в вагон один, Валька рассердился. Первым его движением было выскочить обратно и врезать тормозному Семенову по шее. Но сделать это он не успел.

«Опс», – с хлюпающим звуком захлопнулась до этого открытая дверь.

– С прибытием, сынок, – мрачно поздравил Шейкина невысокий толстый дядька с трубкой. Валька взгляделся в него и помертвел.

Потом многие годы ему будет сниться это искореженное лицо и слышаться скрежещущий звук сжимаемой железной руки.

Но это все будет потом, сейчас же, стоя на улице, он с ненавистью смотрел на зализанное лицо Семенова, борясь с желанием ударить по этим очкам, по грустным глазам и ровному пробору.

– Что ж ты не прыгнул? Струсил?

Вафел шмыгнул носом, посопел и наконец выдавил из себя:

– Что там было? Ну, в вагоне...

– Пирогамы меня с плюшками угощали... – начал Шейкин и сам себя перебил: – Погоди, ты хочешь сказать, что ты их видел?

Колька кивнул, пряча глаза.

– И ты не сказал?! Мог бы предупредить меня!

– Я не успел, ты уже прыгнул. Что это было?

– Фигня какая-то, – легкомысленно бросил Чайник. – Я даже подумал, что мне показалось. А ты точно видел?

– Трое каких-то... – нахмурился Вафел, вспоминая, – скособоченных... И еще скелеты.
– Да ну, ерунда. – Валька зашагал к дому, но перед глазами вновь встал полутемный вагон метро и его жуткие пассажиры. – Показалось, – помотал он головой. – Какие скелеты в метро? Глюки это, Вафел, обыкновенные глюки. – Он пару раз моргнул, прогоняя наваждение. Но картинка не исчезла. Тогда он уставился на Кольку. Опять эта зализанная челочка... – А ты все равно трус. Не выйдет из тебя никакого толка. Так и проживешь всю жизнь со своими книжками.

Валька сплюнул. Злость его улеглась, бить это тщедушное никчемное создание ему расхотелось. Зачем? Пропавший Семенов человек. Одним словом – Вафля.

– Как это – не было? – побежал за уходящим Чайником Вафел. – Я же видел – люди в поезде.

– Какие люди? – обернулся Валька. – Это технический поезд, там никаких людей нет. Он рельсы проверяет. Совсем ослеп? Что ты там мог видеть через свои очки? Темно было.

Убеждая Вафлю в том, что ему все показалось (не будет же он ему рассказывать, что в вагоне и правда кто-то находился, если сам не уверен), Валька и себя ухитрился убедить в этом. А чего там могло быть? Ничего... Мало ли что покажется в трясущемся полутемном салоне. Да и башкой он, видно, треснулся, когда запрыгивал внутрь.

Что-то подобное он уже собирался сказать не отстающему от него Семенову, когда перед ним возникла Машка Подгорнова.

– Так, – тут же помрачнел Валька. – А тебе что надо?

Машка Подгорнова была страшно влюблена в Шейкина. Она везде за ним ходила, преданно смотрела в глаза, а на уроках закидывала его любовными записками. Ни хихиканье и косые взгляды девчонок, ни подтрунивание мальчишек ее не волновали. Она каждый раз пыталась напомнить Чайнику о себе, и это Вальку доводило больше всего. Хуже сегодняшних глюков могла быть только Подгорнова.

– Валечка, я...

– Слушай, Подгоркина, – передразнил он ее фамилию, – иди ты знаешь куда?

– Шейкин, – тут же насупилась Машка. – Я от тебя балдею просто. Пошли сегодня гулять.

– Погуляешь без меня, – отрезал Чайник. – Я с девчонками не гуляю.

– Хочешь, в кино сходим?

– Чего ты опять ко мне привязалась? Сказано тебе – отвали. Вон – за Вафлей бегай, ему нужна будет твоя забота. Будешь ему нос утирать и книжки подносить. А мне ты уже надоела.

– Чайник ты, Валечка, – зло прищурилась Подгорнова.

Была она невысокая, пухлая, с вечно спутанными длинными рыжими волосами, на бледном лице яркой россыпью сияли веснушки. Когда она смеялась или прищуривалась, казалось, что веснушки скачут по ее носу, подпрыгивают, звонко сталкиваясь друг с другом.

Вот и сейчас они сползли с носа на щеки.

– А ты – рыжая, – удаляясь, буркнул Валька. – И катись отсюда.

Подгорнова обиженно надула губки, но никуда не пошла. Она подождала, пока Шейкин скроется за поворотом, и побежала за ним. Машка давно уже для себя решила, что добьется объекта своей мечты любыми способами. Пока же она везде за ним следовала и все время попадалась на его пути. Сейчас ей ужасно хотелось выяснить, что же произошло в вагоне. Оттуда, куда успела забраться сама Машка, видно было немного.

Отделавшись от одноклассников, Валька решил сбежать на футбольное поле, посмотреть, собралась ли команда для игры. Для этого ему нужно было перебраться на другую сторону шоссе и обойти дом. Через улицу умные взрослые проложили подземный переход. Но был он для всех, кроме Шейкина, который его не признавал. Поэтому он просто перелез

через низенький заборчик, дождался, когда на перекрестке зажжется красный свет и машины перестанут ездить, и побежал наискосок через дорогу. Он благополучно добрался до середины улицы, пропустил выезжавшую из двора легковушку и, уже не глядя по сторонам, засунув руки в карманы, потрусил к тротуару.

Откуда взялся гремющий и тарахтящий грузовик, Чайник не заметил. Он его услышал, только когда железная махина оказалась рядом. От неожиданности Валька вздрогнул и, вместо того чтобы бежать, замер на месте.

Грузовик взревел и устремился на мальчика. Перед глазами Чайника вновь начала проноситься вся его короткая жизнь, в памяти всплыл скрежет цепей в техническом вагоне. Он сжал кулаки и отшатнулся в сторону. Падая из-под колес грузовика, Валька почувствовал, как в ладонь врезалось что-то острое.

Как в замедленной съемке, мимо проплыл грузовик, на него из окна кабины водителя глянул крупный мужик с квадратной челюстью и погрозил железным кулаком.

Грузовик резко затормозил, чуть не потеряв сильно качнувшийся кузов, и стал поворачивать, ломая низенький заборчик, отделявший пешеходный тротуар от улицы. Вздрагивая всеми своими железками и чихая, машина рвалась вперед.

Это все было до того невозможным, что Валька не сразу сообразил, что нужно вскакивать и бежать. Зато он очень хорошо рассмотрел тех, кто сидел в кабине. Повиснув животом на руле, на месте водителя красовался одноглазый Болт. Рядом с ним, рукой показывая на Шейкина, чуть ли не выскакивал из окна тощий Бритва. Дальше, все так же колотя железным кулаком о ладонь, восседал гигант. А на крыше кабины, вольно откинувшись, лежала светлая девчонка с остреньким личиком, в белой развевающейся хламиде. В Валькиных ушах отчетливо раздавалось цоканье лошадиных копыт и ржание.

Шейкин очнулся, перепрыгнул заборчик и что есть духу помчался к домам. Сзади послышался скрежет и звон стекла.

«Не оборачивайся», – сам себе приказал Чайник и обернулся.

Грузовик стоял на тротуаре, наполовину въехав в ограждение подземного перехода, из него валил дым.

В кабине никого не было.

– Ничего себе... – выдохнул Шейкин и наконец выпустил из руки то, что так сильно резало ладонь. На землю, звякнув, упал медальон.

– Ничего себе... – повторил Валька, пытаясь из сумятицы мыслей выудить хотя бы одну стоящую. Но в голове стояла звенящая путаница.

Вокруг грузовика собрались люди. Чтобы не привлекать к себе внимание, Чайник осторожно подобрал медальон и трусцой побежал к своему дому. Ни о каком футболе он не вспомнил.

Машка Подгорнова мельком глянула на разбитую машину и пошла прочь, стараясь не упустить из виду невысокую фигуру в рваной куртке. Она не оглядывалась по сторонам, поэтому и не заметила, что у нее стало две тени. Одна была нормальная, серенькая, повторяющая каждое движение. Вторая также шла от ее ног по земле, но, в отличие от хозяйки, не размахивала руками и не жевала булку, купленную у тетки-лоточницы, а просто плыла следом, стараясь не попадать на глаза Машке.

Дома Валька засунул подальше под кровать рваную, извазюканную в грязи куртку и уселся за стол, положив перед собой медальон.

Он отлично помнил, откуда эта штука у него взялась. Она выпала из рук полупрозрачного привидения в вагоне, а потом машинист Санек сунул ему это в руку.

Так. Здесь ничего невероятного не было – один уронил, другой поднял.

Стоп.

Валька сбегал в ванную, намочил голову, взял в холодильнике ледяную бутылку газировки и вернулся в комнату.

– Бред все это, – громко сказал Шейкин, чтобы разогнать гнетущую тишину в комнате. – Ничего не было.

Слова отзвучали, тишина снова сомкнулась над его головой.

Медальон на столе как будто бы говорил – было. Все это было. И полумрак вагона, и три перекореженные фигуры, и ржавый грузовик.

Валька вгляделся в странный «подарок судьбы». Он был большой, размером с ладонь. Тонкая круглая медная пластина с зазубринами по краям, как будто ее грызли. На пластине был выдавлен овал, внизу его замыкало нечто похожее на череп птицы, а сверху корабль с мачтами, но без парусов. В середине было еще что-то, но Валька не смог как следует разглядеть из-за набившейся грязи и зелени. Намертво припаянная цепочка позеленела от старости и в одном месте раскололась.

Эту вещь во что бы то ни стало надо вернуть обратно.

Книжек Валька особенно не читал, но телевизор смотрел достаточно, чтобы знать – с такими вещами не шутят. Покойники не любят, когда у них что-нибудь забирают. Они обычно приходят и наказывают воров.

Шейкин подпрыгнул на стуле и подальше отодвинулся от стола.

Грузовик! Как же они так быстро его нашли?

Двумя пальцами, как до этого машинист Санька, Чайник взялся за зеленую цепочку и прямо в тапочках пошел за дверь.

У подъезда он столкнулся с загорающей на солнце Подгорновой.

– Валечка, – вскочила она. – Смотри, какая погода хорошая... Пойдем бродить по округе?

– Горкина, – как обычно, передразнил ее фамилию Шейкин, – катись уроки делать.

– Давай вместе делать. Твоя мама просила меня помочь тебе по математике.

Валька закатил глаза. Беда была в том, что его мама и мама Подгорновой, Надежда Петровна, были давнишними подружками, еще со школы друг друга знали. Поэтому встречался он с Машкой не только в школе, мать часто приглашала ее в гости. Она считала, что от этого Валька станет лучше, начнет хорошо учиться и вообще сможет перевоспитаться.

Фиг вам! Не будет он учиться! А тем более перевоспитываться! И Машку видеть тоже не хочет!

– Если ты сейчас не уберешься, то я тебя прибью, – рявкнул Чайник в конопатое лицо девочки и зашагал прочь.

– Ты же в тапочках, – попробовала остановить его Подгорнова, но ее никто не слушал. К довершению всего из-за дома вышел Вафел.

– Я тут подумал, – начал он, не доходя до одноклассника. – Не могло же нам с тобой одновременно показаться одно и то же...

– А что вам показалось? – подбежала к одноклассникам Подгорнова.

Все. На этом терпение Шейкина закончилось. Он подбросил на ладони медальон и широко улыбнулся Семенову.

– Колька, – заговорил он как можно ласково, – хороший ты парень. Только приторможенный немного. Но это не страшно, пройдет когда-нибудь. Я тебе хочу подарок сделать. – Он потряс перед носом внимательно слушавшего Вафли кулаком с зажатым медальоном. – Держи. Я его сегодня в метро нашел, он старинный. Если отчистить, будет сверкать, как новенький.

Валька быстро вложил в вялую ладонь Коли медальон, подмигнул удивленной Машке и побежал обратно к подъезду.

Теперь Колька надолго забудет свои книжки. Эх, всучить бы такой же медальон Подгорновой, тогда она не скоро появилась бы на его горизонте.

В комнате радостная уверенность в том, что все закончилось, постепенно улетучилась из Валькиной души. Через какое-то время он поймал себя на том, что внимательно прислушивается ко всему, что происходит вокруг. Журчала вода в ванной, чирикали птички за окном, на улице шумели проезжающие машины, перестукивались трамваи.

Чайник залез на подоконник. Рядом с его домом было трамвайное депо. Каждое утро, щелкая на стыках, оттуда выезжали трамваи. Днем, позвякивая на зазевавшихся пешеходов, они делали большой круг и снова выезжали на маршрут. А ночью редкие составы втягивались в железные ворота, и те со скрипом закрывались. Шейкин жил на шестом этаже и, пока на деревьях не вырастала листва, мог легко наблюдать за передвижением общественного транспорта. К стуку трамваев он настолько привык, что давно не замечал его.

А вот сейчас, выходит, стал замечать. Стук навязчивой дробью лез в уши, скрип вагонных сцепок рождал нехорошие воспоминания.

Из-за густой листвы самих вагонов было не видно. Стоял один стук и скрип...

Тук-скр... Тук-скр... Тук-скр...

«Переучился», – решил Валька. Он был склонен любую усталость сваливать на учебу – во всем она, гадкая, виновата. Тем более май, каникулы не скоро, только через два дня, поэтому усталость накапливалась с каждой прожитой минутой с удвоенной быстротой.

Трамвайный стук преследовал Чайника весь день. Он его слышал, когда засыпал. А когда проснулся, стука уже не было. Зато было темно и очень холодно. Он повернулся на кровати, пытаясь плотнее укутаться в одеяло. Это не помогло. Тогда он высунул нос наружу и сразу определил, что открыта форточка.

– Ну, мама... – в полусне прошептал он, решив, что это мама, как обычно, зашла, открыла форточку, чтобы проветрить, и стоит где-то рядом, чтобы закрыть ее. На звук никто не отозвался. – Форточку, – крикнул Шейкин и проснулся окончательно.

В окно скреблись. Негромко, ненавязчиво, как будто боялись разбудить.

До конца не открыв глаза, Валька прошлепал босыми ногами через комнату, потянулся к форточке, перевел взгляд от нее к окну и чуть не заорал.

За окном в воздухе висела девушка, ее узкое синюшное лицо было приплюснуто к стеклу, отчего нос и губы стали плоскими. Тонкими белесыми ладошками она упиралась в стекло, пальчиками с длинными черными коготками выстукивая негромкую, но скрипучую дробь. Белые волосы стояли дыбом. И только глаза у нее были темные и пронзительные. Они впивались в перепуганного Вальку, как будто пытались просверлить насквозь и уничтожить.

Губы девушки приоткрылись.

– Зачем ты убил меня? – глубоким голосом заговорила она. – Я ведь была так молода и красива!

Многоголосое эхо прокатилось по комнате, ударило по ушам и вылетело на улицу.

– Ты кто? – Казалось, фраза так и осталась в горле.

– Твоя судьба, – пророкотала девушка. – Не будет мне теперь покоя, пока ты сам не умрешь страшной смертью.

– Я?

Девушка отлепилась от стекла, ехидно глянула на Шейкина, прищурилась и более миролюбиво добавила:

– Впрочем, я придумаю, как это произойдет.

Только сейчас, когда она перестал быть синей, Валька узнал ее. Это была девушка из грузовика. То же самое узенькое лицо, белый балахон, светлые волосы...

А девушка уже отлетала в сторону.

– За что? – запоздало кинулся к окну Шейкин. – Я все отдал! У меня ничего нет!

– А мне ничего и не надо, – пожала плечами девушка, растворяясь в воздухе.

Глава II

Майская маята

Если бы это был не конец года, то Шейкин ни за что не пошел бы в школу. Но так как учиться осталось всего два дня и никаких серьезных занятий уже не предвиделось, он решил осчастливить класс своим появлением. Делал он это нечасто, считая уроки всего лишь досадной помехой для основной жизни.

Как обычно, до школы его сопровождала Подгорнова. А около школы его ждал Семенов.

– Здравствуй, – чинно поздоровался он и тут же опустил нос с очками в сумку. – Я тут кое-что принес. Посмотри. – И он извлек увесистый том.

Но Валька уже шагнул дальше – ему только Колькиных проблем не хватало.

– Подожди! – Роняя на ходу то портфель, то книжку, Вафел заспешил за ним. – Ты же вчера мне такую круглую штучку дал, медную. Помнишь?

Валька остановился.

– Я специально в энциклопедии посмотрел, что за значок на ней нарисован. Это знак «Летучего голландца».

– Кого? – не понял Шейкин.

– Есть такая старая легенда о корабле-призраке, который называется «Летучий голландец».

– Ну и что? – Валька пожалел, что пошел сегодня в школу.

– Это интересно, – произнес Вафел, при этом в голосе его никакой заинтересованности не чувствовалось. – До того как он стал призраком, им командовал злой и жестокий капитан Ван дер Декен. Однажды он взял на борт двух пассажиров, девушку и юношу. Они были богаты, и капитан решил их ограбить. Он бросил юношу в море, а девушке предложил стать его любовницей. Девушка прокляла капитана и тоже бросилась в море. Ее проклятие сбылось. Корабль попал в страшный шторм и никак не мог обогнуть мыс Доброй Надежды... – Вафел оторвался от книжки. – Ну, это крайняя точка Африки.

Чайник мрачно смотрел на одноклассника. Он не собирался вспоминать, ни что такое мыс Доброй Надежды, ни где находится Африка. Да хоть на другой планете, ему-то какое до всего этого дело?

– Корабль шел, но его отбрасывало волнами, – продолжал читать Коля, все больше и больше волнуясь. – Так прошло несколько суток. В один из дней прилетел на корабль ворон. И капитан сказал, что продаст душу дьяволу, только бы обогнуть этот страшный мыс. Ворон каркнул и улетел, а корабль обогнул мыс и попытался причалить в порту. Но как только он подходил к бухте, появлялась огромная волна и отбрасывала его обратно в море. Так он до сих пор и плавает по океанам и является перед штормом тем кораблям, которые обречены погибнуть, – торжественно закончил Семенов, закрывая книгу.

– Как интересно, – ахнула Подгорнова.

– Так он утонул или нет? – уточнил Чайник.

– Нет, он не может это сделать, потому что стал призраком. Понятно? А здесь на пластинке знак этого корабля. Папа говорит, ценная вещь. – И Вафел протянул медальон Вальке. – Возьми обратно. Ты просто не знаешь, что это такое.

Чайник сначала не узнал медальона. Он был вычищен и сверкал, как новенькая монета. Теперь на нем ясно был виден ворон с поднятыми крыльями. На месте головы у ворона был череп. Одно крыло вздымалось пенной волной, второе заканчивалось перьями-ножами. На конце крыльев ворон держал потрепанный трехмачтовый корабль с оборванными парусами. От черепа ворона до днища корабля возвышался столбик из семи человеческих черепов. Все

это было выдавлено четко и ясно, как будто только вчера сделано на заводе. Цепочка тоже оказалась необыкновенной. Она состояла не из привычных колечек, а из соединенных друг с другом железочек в форме человеческих костей. Отколовшееся место в соединении цепочки и самого медальона было подклеено.

– Да? – Шейкин завел руки за спину. Теперь, когда он рассмотрел, что изображено на медальоне, ему совсем не хотелось его касаться. – И долго ты с этой книжкой сидел?

– Почти всю ночь. – Колька потряс перед носом Чайника увесистым талмудом, на обложке замелькало название: «Легенды Средневековья».

– И ничего странного с тобой не случилось?

– Нет, – протянул Семенов. – Свет только все время гас. Я чуть не ослеп под утро.

– Ты чего, до утра читал? – удивлению Чайника не было предела.

– Так интересно ведь... – не понимая возмущения одноклассника, прошептал Вафел.

Шейкин отстранил Колю вместе с книгой, медальоном, портфелем и вошел в школу.

На уроке Семенов снова подсел к Чайнику с «Легендами Средневековья» и стал показывать картинки. Валька слушал его вполуха, больше увлеченный рисунками, чем рассказом. Были на них колдуны и ведьмы, чрево вещатели и вызыватели духов.

– Смотри, – не унимался Вафел, тыча пальцем в страницу, где было изображено два парусника, один потрепанный, наполовину развалившийся и, кажется, совершенно пустой, а другой цельный, с перепуганной командой. – Это «Летучий голландец», – показал он на корабль с оборванными парусами. – На нем плавали утонувшие моряки. А твой медальон носит знак «Летучего голландца». Значит, он, может быть, принадлежал кому-нибудь из тех моряков. Представляешь, сколько ему лет! Это когда было-то!

– Обалдеть! – вяло отозвался Валька. – А в метро они быть могут?

– Медальоны?

– Моряки!

– Откуда? – растерянно заморгал Колька. – На море если только...

– А если здесь ничего нет, – вдруг разозлился Шейкин, – то и катись отсюда вместе со своей книжкой.

Семенов обиженно засопел и ушел, благо была перемена и было куда уходить.

Уроки тянулись долго и скучно. Валька успел забыть о всех моряках и медальонах, вместе взятых. Он уже жил летом и тем, как он сядет в поезд и поедет к дядьке в Самару. Осталось только дожидаться конца занятий.

Когда же долгожданная свобода наступила и он отправился на улицу, с ним произошло то, что обычно случается в анекдотах. Ему на голову чуть не упал кирпич. Чайник шел, вяло переругиваясь с Машкой, которая наотрез отказывалась оставлять его одного, как вдруг прямо к его ногам ухнул кирпич. Машка взвизгнула и кинулась к кустам. Шейкин сначала посмотрел на красные осколки у своих ног, потом поднял голову и увидел, как на него падает еще один кирпич.

– Вы чего? – ахнул Валька, отскакивая в сторону.

Потом кирпичи стали падать один за другим. Чайник, петляя как заяц, побежал прочь от дома. На безопасном расстоянии он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть гиганта, пытающегося разглядеть, что творится внизу.

– За что? – заорал Валька, надеясь докричаться до двадцать второго этажа. – Что я вам сделал?

На эти слова гигант выпрямился, и в сторону Чайника опять что-то полетело. Но это был уже не кирпич, а нечто продолговатое и темное. Когда Валька разглядел, что это такое, ему стало нехорошо.

На него падала железная перчатка.

Не долетев несколько метров до земли, она раскрылась, противно каркнула и лапами вперед повалилась Шейкину на лицо.

– Пошла! – замахал руками Валька. Ворона крыльями оглушила его, когтями царапнула по лицу и с шумом полетела прочь.

– Валечка! – Подгорнова продиралась к нему через кусты. – Что с тобой?

Увидев расцарапанную физиономию любимого, Машка опустилась рядом на землю и залилась слезами.

– Отвали, – устало отмахнулся от нее Шейкин. – Прошло уже все.

Оставив Машку рыдать одну, Чайник зашагал в сторону метро. Он совершенно не понимал, откуда на него свалились все эти напасти и почему они до сих пор его мучают. Ведь он ничего не делал и ничего не брал, ни с кем не разговаривал и никому ничего не обещал. Откуда все это взялось? Вафел тоже видел призраков, и с ним ничего не происходило. У него остался медальон – и тоже ничего.

В метро было много людей. Все они спешили, толкались и злились. Электропоезда приходили один за другим, полные народа. Они шли и шли, и никаких перерывов между ними не было. Валька в тоске слонялся по платформе, пытаясь придумать объяснение всему, что с ним произошло за последние сутки. Диктор бесстрастным металлическим голосом объявлял о приближающихся поездах.

Технические составы не появлялись.

Шейкин уже собирался идти домой, для верности решив пропустить еще пять составов. Когда к платформе подходил первый поезд, толпа неожиданно навалилась сзади, Валька почувствовал явный толчок в спину и полетел на рельсы. Ахнуло несколько голосов, заорала женщина, с непереносимым визгом заскрежетали тормоза локомотива. Все эти звуки заставили Вальку вскочить на ноги и побежать прочь от надвигающейся на него махины.

Он бы, наверное, мчался по рельсам до следующей станции, если бы его тут же не перехватили непонятно откуда взявшиеся люди. Они крепко взяли вяло сопротивляющегося Шейкина и куда-то повели. Потом долго выясняли, кто он и что делает в метро, звонили на работу маме, везли домой.

Все это доходило до сознания самого Чайника как сквозь вату – он слабо понимал, что происходит вокруг. Но его не покидала непонятно откуда взявшаяся уверенность, что он не случайно слетел сегодня с платформы. Потому что когда Валька падал, то успел заметить, как в толпе исчезает худая спина, обтянутая черным грязным сукном длиннополого пиджака.

Его хотят убить. Прекратить его веселое и беззаботное существование.

От этой мысли Шейкину становилось нехорошо, он заваливался на бок, и тогда тетка в белом халате подсовывала ему под нос марлю с резким ядовитым запахом.

Главное, он не мог понять, за что на него накнулись все эти напасти. Он же такой хороший!

А потом с работы прибежала мама и сообщила то, от чего Вальке совсем поплохело. Оказывается, к дяде в Самару он поедет не один. Он должен будет взять с собой Машку Подгорнову.

– Никогда, – пытался сопротивляться Шейкин.

– Валентин, – строго сказала мама, и брови ее грозно сбежались к переносице. – Что ты как маленький? Это всего на две недели. Мы с Надеждой Петровной уезжаем, и, чтобы Маша не оставалась одна, мы решили, что она поедет с тобой.

– А меня вы спросили? – заорал Чайник. – Она мне здесь прохода не дает, а вы еще хотите испортить единственные нормальные каникулы? Что я с ней буду в Самаре делать?

– Ничего, найдете занятие, – отрезала мама. – А то допрыгался – под поезд его бросают. – Тут мама заплакала и ушла на кухню. И Валька остался со своими мрачными мыслями один.

Ну вот, теперь все каникулы пойдут насмарку. Ни на велосипеде не покатаешься, ни в Волге некупаешься.

К вечеру мрачные мысли в голове у Вальки рассеялись, и жизнь перестала быть такой ужасной. Подумаешь, Машка Подгорнова! Один день в поезде, и он ее больше не увидит, потому что где-где, а в Самаре он придумает, как от нее отделаться.

Вечером что-то произошло в трамвайном депо. Оттуда повалил дым, долго кричали люди, и скрипело железо. Валька несколько раз бегал смотреть, что случилось, но из-за пожарных машин ничего разглядеть не мог. Зато вечером на всю улицу опустилось невиданное спокойствие – никто не стучал, не звенел, не скрежетал. Трамваи не ходили.

Шейкин, затаив дыхание, прислушивался к непривычной тишине и непонятно чему улыбался. Жизнь становилась гораздо лучше. На радостях он решил не спорить сегодня вечером с мамой и лечь пораньше спать.

Радовался он зря.

Когда Валька открыл дверь в туалет, оттуда на него с бешеным криком вывалилось нечто черное. Вальке сначала показалось, что это давнишняя ворона, расцарапавшая ему лицо. И он на всякий случай прикрыл глаза ладонью. Ворона вцепилась в горло и стала его душить. Чайник задохнулся, ноги его подкосились. Он упал.

И тут выяснилось, что никакая это не ворона, а Рука... Кисть и предплечье до локтя, ярко-красного цвета.

Она протасила его по коридору и толкнула в комнату. Шейкин врезал по дергающемуся обручку. Рука отвалилась, упала на пол и несколько раз перевернулась. Вальке даже показалось, что она обиженно пискнула. Поползав немного по ковру, Рука приподнялась, показала Чайнику кулак и снова ринулась в бой. Валька схватил первое, что попало, и ударил, попав Руке по пальцам. Не ожидавшая такого сопротивления, Рука забарахталась в воздухе, потеряла равновесие и снова ухнула вниз.

– Уйди отсюда! – завопил Чайник, бросая в поднимающуюся Руку учебник по математике.

Рука, как собака, встряхнулась, волейбольным приемом отбила учебник и поднялась в воздух. Казалось, что она стала еще более красной. От нее исходили приглушенный свет и тепло. Погрозив Вальке пальцем, она стала медленно подбираться к его горлу.

Следующим в нее полетел учебник по литературе, потом химия и физика. Отбив все нападения «гранита науки», Рука стала кружить над головой Шейкина. Она носилась как бешеная муха, пресекая все попытки Чайника выбраться из комнаты. Уворачиваясь от очередного налета, Валька залез под кровать, где среди пыли и грязных носков обнаружил давно потерянную хоккейную клюшку.

– Считаю до трех, – грозным голосом прокричал он из-под кровати, – если ты сейчас же не уберешься, я тебя прибью.

Рука больно ухватила Вальку за пятку и начала вытаскивать из его укрытия.

– Ну, держись!

Валька извернулся, удачно лягнул Руку, так что ее пальцы хрустнули, выкатился из-под кровати и встал в боевую стойку. Рука не сразу начала атаку. Она зашла со стороны, сделав большой круг, совершила обманное движение и из-под низа попыталась уцепиться за горло. Загородившись плечом, Шейкин легко повел клюшкой, и Рука отлетела в угол. Пока она приходила там в себя, Валька добежал до окна и открыл форточку, спугнув с подоконника бледную девушку в белом балахоне. Она испуганно крикнула и растворилась в темноте. Шейкин совсем забыл про нее, еще утром решив, что вчерашнее ночное явление было сном. Замешкавшись у окна, он почувствовал, что Рука все-таки впилась в его шею и, быстро перебирая пальцами, стала подкрадываться к горлу.

– Отцепись!

Валька завертелся на месте, пытаясь достать обидчицу. Но она отвалилась сама, и тогда он точным сильным ударом клюшки выкинул ее в форточку. Со свистом Рука вылетела из комнаты, дала по лбу вновь появившейся девушке и исчезла среди темных деревьев. Шейкин захлопнул фрамугу, задернул штору. И только тогда смог выпустить клюшку из онемевших рук.

– Ничего себе... – прошептал он, сползая на пол.

В окно забарабанили, но не как вчера, осторожно и деликатно, а внаглую, громко и настойчиво. Валька выглянул в щелочку. Рука с лету пыталась пробить окно. Рядом в воздухе висела разъяренная девушка. Увидев, что Шейкин на нее смотрит, она прилипла к стеклу.

– Открой, – приказала девушка.

– Катитесь отсюда, – посоветовал Чайник, потрясая клюшкой. Заметив ее, Рука перестала дергаться и испуганно спряталась в складках балахона девушки.

– Хуже будет, – пообещала девушка.

– Смотри кому, – в тон ей отозвался Валька и снова задернул штору.

Что-то там, за окном, видимо, происходило, потому что из-за шторы раздавался писк, всхлипывания и неясное бормотание.

– Может, откроешь, а? – раздалось, казалось, уже с этой стороны окна. Валька снова выглянул. Рука была вооружена молотком и явно выбирала место, по которому было бы удобнее стукнуть. Девушка тем временем запустила пальцы в стык рамы, они уже частично просочились с этой стороны окна и подбирались к ручке форточки.

Валька погрозил Руке кулаком, щелкнул по копошащимся пальцам, отчего они съезжались и убрались.

– Больно, – девушка сделала обиженное лицо. – Дрянной мальчишка.

– Сама такая, – показал язык Валька. – Убирайтесь.

Девушка выудила мелко дрожащую Руку из своих одежд, взяла ее под мышку и гордо удалилась.

Следующий час Валька был очень занят. Он забаррикадировал дверь, отыскал старый высохший пластилин и замазал им все щели на окне. К одной из ручек подвесил колокольчик, чтобы в случае, если эта парочка все-таки вернется, он об этом услышал.

Сам для себя Шейкин решил, что, раз такое дело, спать он не будет. Поэтому уселся с клюшкой в обнимку на кровать и стал ждать. Сначала ничего не происходило, а потом открылись дверцы шкафа, и оттуда вылезла Подгорнова. Волосы у нее были еще более лохматые, чем обычно, а лицо бледное и испуганное.

– Ты чего, Чайник, совсем сбрендил? – напустилась она на ошарашенного Вальку. – Трупы в шкафу хранишь. Они же воняют!

– А где их еще хранить нужно? – зачем-то спросил Шейкин, хотя он не понял, о каких трупах идет речь.

– Как где? В холодильниках. А лучше бы ты их закопал – ни одна собака не найдет.

– А их там много? – Валька с опаской покосился на свой небольшой шкаф.

– Что, я считать буду? Сам с ними разбирайся, а мне некогда. – С этими словами Машка уселась за его письменный стол, который оказался уставленным чашками с чаем, вазочками с конфетами, и стала все это уплетать и с причмокиванием выпивать.

– А ты чего это тут расселась? – возмутился Шейкин и клюшкой ткнул Подгорнову в бок. – Иди отсюда, это моя комната.

– Ты сначала со шкафом разберись, – невозмутимо отозвалась Машка, выбирая в пакете самый большой сухарь, – а потом ко мне приставай.

До этого тихо стоящий шкаф стал вести себя странно. Он пошатнулся, хлопнул дверцами, и из него сначала посыпались красные руки, а потом вывалился он сам, Шейкин, собственной персоной. Голова его была свернута набок, синюшная шея неестественно вывер-

нута. Шкаф опять дернулся и выбросил из себя еще одно тело. Головы у тела не было, но по рубашке и по крепко сжимаемой в руке клюшке Валька понял, что это опять он. Потом появилось тело, перерубленное пополам, выкатилась голова и еще десяток рук.

– Я же говорила! – Машка всю хрустела шоколадкой, откусывая от целой плитки. – Убирай все обратно, ты мне аппетит портишь. Башкой нужно думать, когда что-нибудь в шкаф кладешь. – Она постучала кулаком по лбу. Звук получился звонкий, как будто Машкина голова была пустой. Она без остановки часто-часто стучала по своей черепушке, а Валька сидел и думал, что если она еще немного так постучит, то голова расколется и оттуда выйдет много-много маленьких Подгорновых, и тогда он точно не будет знать, что с ними делать. А тут еще эти трупы...

Стук становился все навязчивее и громче. Шел он уже не от Машкиной головы, а отовсюду, как будто сотня рук схватила по молотку и стала дубасить по стенам. Шейкин испугался, что сейчас и ему дадут по голове. Он дернулся, стал куда-то проваливаться и оказался на полу.

Сквозь шторы прорывалось солнце, в комнате было нестерпимо душно. В дверь стучали.

Спросонья Чайник решил, что это опять ломится Красная Рука, и в панике пошарил вокруг себя в поисках клюшки.

– Валентин! – позвала мама. – Что там у тебя? Открывай.

– Мама? – Свой голос казался ему чужим и незнакомым. – Это ты?

– Валентин, не придумывай! Выходи быстро, тебе в школу пора.

Остатки сна слетели с несчастной Валькиной головы, он огляделся. Шкаф стоял на месте, в нем ничего, кроме одежды, не было. Все рамы были измазаны разноцветным пластилином. Даже на окне были разводы. Учебники валялись на полу. Со стороны коридора продолжали стучаться. Стул, ножкой вставленный в ручку, не давал дверь открыть снаружи.

– Мама, а это правда ты?

– Господи, что за вопрос? Ты там не заболел случайно?

– Как фамилия Машки? – на всякий случай спросил Чайник.

– Подгорнова. Да что с тобой?

Шейкин облегченно вздохнул и начал разбирать свою баррикаду. На пороге действительно стояла мама, и вид у нее был встревоженный.

– Ты цел? – она испуганно огляделась. – Это что, война?

– Нет. Это я уроки делал, не хотел, чтобы мне мешали, – не моргнув глазом, соврал Валька.

– Какое рвение в конце года... – К Валькиному счастью, мама не видела заляпанного окна, скрытого шторой. – Иди завтракать, тебе в школу пора.

Валька пинком ноги отправил клюшку обратно под кровать и пошел на кухню, по дороге с опаской покосившись на приоткрытую дверь туалета. Но оттуда никто вылетать не собирался.

Вафлю он увидел еще издалека. Тот неуклюже топтался посередине школьного двора. Валька жестом руки прервал поток Машкиных мечтаний о том, как им классно будет вдвоем в Самаре, и сделал два шага назад.

– Подхольмина, – устало произнес он, – ты лучше не мечтай, ты чем-нибудь полезным займись – деревья сажай или клумбы поливай. А лучше сделай так, чтобы Семенов не заметил, как я войду в школу.

Машка обиженно сморщила носик, так что веснушки звонко цокнули, столкнувшись друг с другом, и пошла к одинокому Вафле. Она смогла повернуть его так, чтобы он не смотрел в сторону Шейкина. Но когда Валька уже схватился за ручку двери, за его спиной раздался радостный крик:

– Валя, а я тебя жду!

– А я тебя – нет, – отрезал Чайник, зло поглядывая на ставшую пунцовой Подгорнову. – Чего ты здесь торчишь?

– Я подумал, откуда взялся у тебя этот медальон? Может, его вернуть надо? Вдруг кто-нибудь потерял.

– И долго думал? – ехидно осведомился Валька.

– Я вечером сидел и представил, что этот медальон кто-то может искать. Что для него это важно.

У Вальки в голове родилась гениальная идея.

– Давай его сюда, – протянул он руку, – я положу туда, откуда взял.

– А у меня нет, – растерянно заморгал глазами Коля. – Я его дома оставил. Такая ценная вещь – вдруг снова потеряется.

– Пойдем. – Валька уже шагнул вниз по ступенькам. – Зайдем к тебе, заберем.

Ему пришло в голову, что если медальон окажется у него, то все беды закончатся и к нему не будут лезть всякие упыри и вурдалаки.

– Я сейчас не могу, – насупился Вафел. – Уроки скоро начнутся.

– Никуда твои уроки не денутся.

Семенов задумался. По выражению его лица было видно, что сейчас в его душе идет мучительный процесс выбора, но врожденная правильность взяла верх.

– Мы потом сходим, – пообещал он. – Сегодня в школе последний день, вдруг что-нибудь полезное скажут.

– Полезное только в витаминах бывает, – огрызнулся Чайник. – Идем сейчас.

Коля отчаянно затряс головой и вбежал в двери школы.

– Валечка, я... – начала оправдываться Машка, но слышать ее Валька уже не мог.

Из-за упрямства Вафли Шейкину пришлось высидеть все уроки до конца. Зато на последнем часе он был вознагражден возбужденным рассказом Семенова о страшном сне, приснившемся ему этой ночью.

– Представляешь, – нервно шептал Коля, забыв о том, что собирался слушать все важное, о чем говорят учителя, – снится мне, что я собираюсь в школу. Портфель собрал, рубашку чистую надел, а очки найти не могу. Везде смотрел. Нет нигде. Залезаю под кровать, а там труп лежит. Я бросаюсь к шкафу, а оттуда трупы так и посыпались. Я испугался и сразу же проснулся.

Валька опешил. Надо же – им обоим одинаковые сны приснились. Может быть, медальон начал на Вафлю действовать?

Шейкин еле досидел до конца занятий и всяческих прощаний до следующего учебного года, а потому сразу же потащил Семенова на улицу. Подгорнова увязалась следом.

– А ты куда, Подкучкина? – остановил ее Чайник. – Катись домой вещички складывать. Ты что, забыла, что мы завтра уезжаем? Да! Много можешь с собой не брать. Вряд ли ты там долго проживешь.

Одноклассники вышли из школы и отправились петлять дворами к Вафлиному дому. По дороге Коля в который раз пересказывал легенду о «Летучем голландце», поведал, как его папа созвонился с каким-то профессором и тот сказал, что медальон очень ценный и, если он подлинный, его с радостью купит любой музей. Валька подумал, что этот медальон было бы здорово продать, получить кучу денег и купить на них новый велосипед с двадцатью четырьмя скоростями.

Но его мечтания были прерваны самым грубым образом. На Чайника набросилась огромная лохматая черная собака. Она бесшумно вынырнула из-за дома и сразу кинулась на Вальку. Он не успел и руки поднять, как оказался прижат лающей тушей к земле. Собака распахнула большущую пасть и потянулась к горлу своей жертвы. Шейкин зажмурился.

Больше он ничего сделать не смог: собака оказалась невероятно тяжелой. Он изворачивался под ней, как мог, пока не выдохся. Собака победно взвизгнула, смыкая зубы на шее жертвы.

Но вместо того, чтобы откусить Чайнику голову, она клацнула зубами, больно ткнулась мордой в Валькин нос и повалилась на землю. Вафел для верности еще пару раз стукнул ее портфелем, поддал ногой, и псина мгновенно скрылась.

– Ловко ты ее. – Шейкин никак не мог прийти в себя и отдышаться. Перед ним все еще продолжал маячить призрак собачьей морды.

Коля стоял, ссутулившись, как будто все силы отдал на борьбу со зверем и больше уже ничего сделать не мог.

– У вас тут всегда бешеные собаки носятся? – Валька скептически оглядел вновь испачканную куртку. – Предупреждать надо.

– Ты цел? – выдавил из себя Семенов. – Я так испугался.

– Нормально. – Шейкин повел плечами, проверяя состояние всех своих суставов. – Спасибо тебе. Чего встал? Потопали дальше. – И уже сделав несколько шагов вперед, Валька понял, что собака на него выскочила не просто так. Значит, медальон нужно раздобыть как можно быстрее, пока его не укокошили. – Шевелись! Чего плетешься?

Колина комната была похожа на книжный развал. Книги лежали везде – на кровати, под кроватью, на полу и под столом. У него даже сидеть было негде, потому что на стульях тоже лежали стопки книг.

– Вафел, – присвистнул Чайник, – тебе чего, делать нечего, всякой фигней маешься? – Он брезгливо, двумя пальцами, взял книжку в яркой обложке, повертел в воздухе и осторожно положил на место.

– Ты что! – искренне удивился Семенов. – Это же здорово... – Других слов он не нашел.

– Ну-ну, – усмехнулся Валька. – Медальон тащи.

Пребывание у Вафли медальону явно пошло на пользу. Его не только отчистили от зелени и грязи, его дополнительно чем-то обработали, чтобы он блестел, и положили в мягкий мешочек.

– А ты уверен, что найдешь хозяина? – с опаской спросил Вафля.

– Он меня сам найдет, – буркнул Шейкин, пряча добычу в карман. – Я пошел. Бывай, Вафел, и не кашляй.

У Вальки теперь было два варианта – либо ждать вечера и очередных гостей, либо поискать, не захочет ли кто-нибудь еще его убить. И он выбрал второе, потому что вечером к нему могли уже и не прийти.

Вчерашний грузовик от пешеходного перехода оттащили, но вмятина в бордюрном камне осталась. И осколки валялись. Чайник прикинул траекторию и несколько раз перебежал дорогу перед машинами, приблизительно так же, как перебегал в прошлый раз. Ни один водитель давить его не собирался. Тогда он пошел к дому, где вчера на его голову сбрасывали кирпичи. По тому же самому месту пройти не удалось, потому что весь двор был перегорожен и перекопан. Была еще черная собака. Но здесь Шейкин задумался. Если в машине были те самые личности, с которыми он столкнулся в метро, кирпичи сбрасывал гигант и со всеми ними можно было договориться, то как разговаривать с собакой, Валька не знал. А если она не поймет, что за предмет ей тычут в нос, и все равно загрызет его? Перспектива быть съеденным Чайнику не улыбалась.

Оставалось метро. Но и здесь была одна загвоздка. Ему нужно было встретить троицу до того, как они столкнут его под поезд. Вдруг его сначала отправят на рельсы, а потом будут спрашивать, есть у него медальон или нет?

Шейкина это тоже не очень устраивало. Он покрутился у входа в метро, соображая, как бы ловчее первым увидеть противника. Решив разобраться на месте, он спустился вниз. И тут его подстерегла самая большая неприятность – оказалось, что у него нет денег.

Валька обшарил все карманы. Кажется, последний рубль он потратил на пирожок. Ну и ладно.

Людей в метро было мало, входили редко. Все попытки Чайника пройти через турникет с кем-нибудь закончились появлением полицейского, после чего Валька быстренько убежал наверх.

«Придется отложить эксперименты до вечера», – думал Шейкин, забираясь в трамвай, идущий в сторону его дома. В душе он надеялся на то, что все происходящее с ним чистая случайность, а вечерние визиты не более чем глюки.

Все-таки год учебы в школе бесследно не проходит, тонкая психика ребенка не выдерживает таких напрягов и ломается. Ничего... Завтра он сядет в поезд, а послезавтра будет уже купаться в Волге, и никакие видения его больше посещать не будут.

Трамвай мирно трыкал, не спеша набирая скорость, постукивал на соединениях. Выходили люди, вагон пустел.

Шаркнули двери.

– Осторожно, двери закрываются, – прогнусавил механический голос. – Следующая станция... – Повисла тишина. «Пленка оборвалась», – весело подумал Валька. – Следующая станция, – задумчиво пробормотал голос и тяжело вздохнул. – А какая разница, что за станция? Никакая, короче.

Шейкин насторожился, завертел головой и увидел, что к нему идет контролер – невысокая худая старушка с острыми злыми глазками.

– Ой, какая остановка? – вскочил Валька, имитируя испуг. Состав уже поехал дальше.

– Стой! – тут же кинулась к нему бабка. – Сначала билет покажи, а потом будешь выходить.

– А у меня украли. Вон парень побежал. Держите его! – Валька дернулся, пытаясь проскочить мимо злойной бабки.

– Не было никого. Покажь билет!

– Чего вы привязались к ребенку? – заорал Валька. – Мне еще можно не платить!

– Плати штраф, а то в полицию отведу!

– Нет у меня денег, – признался Шейкин. – И не было никогда. Из детдома я, за справкой еду.

– Как же тебя одного отпустили? – прищурилась бабка.

– Сбежал я, – самозабвенно врал Валька. – Мамку хочу найти.

– Бедный, – покачала головой контролерша, поправляя на шее увесистую сумку. Звякнула мелочь. – Сирота, значит?

– Круглая, – сморщился Чайник, пытаясь выжать из себя слезу. Но плакать не хотелось. Хотелось смеяться. Валька украдкой оглянулся. В вагоне никого не было, оценить его актерские таланты было некому. Трамвай, скрипя, повернул и устремился дальше по рельсам.

– Тогда пойдем, – поманила его за собой бабка и пошла к кабине водителя.

Шейкин облегченно вздохнул, победно расправил плечи, посмотрел в окно, чтобы узнать, долго ли ему еще ломать комедию, и замер. Мимо мелькали незнакомые дома и улицы. Высоких строений уже не было, шли низенькие пятиэтажки. Бабка топала в голову состава и с каждым шагом становилась все толще. Линялая вязаная кофточка у нее на спине лопнула, из-под нее выглянула грязная тельняшка. В вагоне стало темно, запахло плесенью, послышался противный металлический скрежет. Пробила заунывная песенка:

Крест и череп, черный флаг,
Прочь несется наш мертвяк.

Вагон качнуло вправо, из левой стены повалились скелеты. На мгновение они скрыли сильно изменившуюся контролершу. А когда сухой треск закончился и пол оказался прикрыт ровным слоем костей, на Вальку глянул ехидно прищуренный глаз на круглом, изуродованном шрамом лице. В пустой глазнице все так же сидел паучок. В углу рта была зажата темная трубка.

– Ну чего, малец, – хрипло выдавил Болт, выпустив изо рта густой едкий дым, – конечная. Поезд дальше не пойдет.

Вагон трянуло на стыке. Вальку бросило вперед на одноглазого. Он сшиб его с ног и кувыркот пролетел до кабины водителя. Из-за окошка выглянул Бритва.

– До встречи, малец, – крикнул он, входя в салон. Его тощее продолговатое лицо сейчас было очень похоже на череп, а длинный острый нос – на клюв. Бритва взмахнул руками, взлетели фалды длинного пиджака. Да это же...

«Ворон, – вспомнил Валька и хлопнул себя по карманам, – черепа, корабль... Где же он?!»

Медальон, как назло, никак не находился.

– Послушайте, – всхлипнул Чайник. – Он у меня, возьмите. Вы забыли! Мне не нужен.

– На том свете отдашь, – ощерил черные зубы Болт. – Катись, птенчик.

Валька поскользнулся, плюхнулся на пол, выронив медальон. На него уставился пустоглазый череп, белая челюсть клацнула и застыла в широкой улыбке. Шейкин забарахтался в костях, вскочил и лицом к лицу столкнулся с перепуганной Подгорновой.

– Валечка! – всхлипнула она. – Что это?

– Ты что здесь делаешь? – Чайник был настолько удивлен ее появлением, что на мгновение забыл о Болте с Бритвой.

– Я за тобой... Я с тобой, – путалась в словах совершенно белая от испуга Машка. – Ай!

Трамвай пронесся через перекресток на красный свет, ехавшая на зеленый машина еле успела увернуться. Машка упала на грудь Чайника и зарыдала.

– погоди ты. – Шейкин попытался отпихнуть ее от себя, но Подгорнова вцепилась в него крепко. – Дай с людьми договорить. – Он снова стал шарить по карманам. Медальона не было. – Где он? – завопил Валька в залитое слезами лицо Подгорновой. – Брала? Говори!

– Мамочки! – взвизгнула Машка. – Ничего я не брала.

Валька грубо толкнул одноклассницу так, что она повалилась в весело позвякивающие кости, и огляделся. В вагоне никого не было. От удивления Чайник присел, заглянул под сиденья. Но и там призрачных фигур не нашлось.

– Эй, куда?! – еще не сообразив, что происходит, заорал мальчик. – А как же я?

Вагон так сильно мотнуло, что застонали рельсы. Валька метнулся в сторону водительской кабины. Там на приборном щитке сидела полупрозрачная девушка в белом балахоне и приторно улыбалась. А за ее спиной за стеклом неслась дорога, обыкновенная ровная асфальтовая дорога. И никаких рельсов на ней не было.

– Что это? – еле смог выговорить Шейкин.

– Это твоя смерть, Валечка, – елевым голосом промурлыкала девушка.

Состав взобрался на пригорок, задержался на секунду и полетел вниз. Зашелестели кости.

– До встречи, малыш, – махнула рукой девушка, растворяясь в воздухе.

– Подождите! Возьмите свой медальон и отвалите от меня. Что вы ко мне прицепились?

– Потом отдашь, – хихикнула пустота.

– Когда? – заорал Чайник, утыкаясь лбом в стекло. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как вагон несется на медленно ползущий грузовик.

– Спасайся! – Валька влетел в салон, заметался среди закрытых дверей. Машка в полумоморочном состоянии сидела на полу и безучастным взглядом следила за перемещениями одноклассника.

Чайник всем телом налетел на стекло. Оно глухо ахнуло, но не разбилось.

– Поднимайся, – зацепил он вялую Машку. – Вставай, клуша! Бежим!

Проволочив Подгорнову до начала вагона, Шейкин влез в кабину водителя и стал нажимать на все кнопки и рычаги, которые попались ему под руки. До грузовика оставалось чуть. Валька бухнулся в водительское кресло, нога сама встала на какую-то педаль, в отчаянии он надавил на нее. Раздался невозможный скрежет. В кабину сама собой вкатилась Подгорнова, а вслед за ней все кости и черепа, скопившиеся за эту сумасшедшую поездку.

Грузовик продолжал неспешно скатываться с горки. Понажимав еще на кнопки, Валька открыл двери. Застопорившийся вагон больше не двигался. Шейкин вытащил Подгорнову из-под завала и выволок наружу. В руке она сжимала блестящую цепочку с большим медным кругляшом. Это был медальон.

– Ч-что это? – икнула, приходя в себя, Машка.

– Знакомые у меня такие веселые. – Валька отобрал медальон и спрятал в карман. – Любят шутки шутить. Ты как здесь оказалась?

– Я? – Девочка пощупала свое лицо, пригладила стоящие дыбом волосы. – За тобой пошла. Зачем-то.

– Вот именно – зачем? – Чайник зло пихнул вывалившийся из трамвая черепок и вдруг метнулся к Машке. – Чего ты за мной таскаешься? Мне и без тебя весело. Видела, сколько смеха?

– Кто они? – Подгорнова все еще себя ощупывала.

– Откуда я знаю? Свалились на мою голову. – От возбуждения Шейкин стал бегать вокруг одноклассницы, но тут вдруг остановился и заговорщицким тоном прошептал: – Убить хотят.

– За ч-что? – опять икнула Машка.

– Говорю же, не знаю! Пошли отсюда, чего расселась!

– И давно они к тебе пристают? – Подгорнова и не думала вставать.

– Третий день. Ты остаешься? Я ухожу.

Валька зашагал обратно по дороге. Трамвай, как будто ожидавший, чтобы они ушли, скрипнул, стронулся с места и покатился с горы. Машка подпрыгнула, мгновенно догнала предмет обожания и вцепилась в его локоть.

– Я с тобой, – крикнула она ему прямо в ухо.

– Куда я от тебя денусь? – усмехнулся Чайник.

– А ты знаешь, как от всего этого избавиться?

– Понятия не имею. Может, они сами отвяжутся. Вот уедем в Самару, все и закончится.

– А если не закончится?

– Да ну тебя. Каркаешь, как ворона. Закончится – не закончится. Меньше будешь знать, крепче будешь спать. Поняла? Сидела бы дома – ничего бы не было. Кто тебя просил за мной шпионить?

– Я не шпионю. Просто хочу быть с тобой рядом. – Машка забежала вперед и преданно посмотрела в глаза Вальке. – Так в книжке написано – старайтесь быть всегда рядом с предметом своего обожания.

– Вот и иди к предмету, а от меня отстань.

Трамвай увез их довольно далеко, топтать пришлось много. Но на этом сюрпризы дня не закончились. Около подъезда их ждал Вафел.

– Я тут подумал... – медленно поднялся Коля со скамейки.

– Меньше думай – легче станет, – отрезал Чайник, пытаясь пройти мимо. Но Подгорнова зацепилась за Семенова, и пришлось остановиться.

– Ты уже нашел хозяина медальона? – тянул Вафел.

– Нашел, – мрачно выдавил из себя Чайник. – Не берут они. Говорят, не нужен.

– Вот я и подумал, – радостно подхватил Коля, – может, показать специалистам, они скажут, откуда это.

– На, показывай. – Валька извлек из кармана медную пластинку и с облегчением вложил в маленькую ладонь одноклассника. – Пускай говорят все, что хотят, мне уже все равно. Я завтра уезжаю. А ты, если что выяснишь, – звони.

– Ты не бойся, я не потеряю! Вещь-то ценная. Позвоню тебе обязательно. Или маме твоей оставлю.

– А вот этого не надо, – встрепнулся Валька. – У себя поддержи. Что выяснишь, на бумажке напиши, а то забудешь. Потом мне расскажешь. Понял?

Семенов стоял, глубоко задумавшись, и, казалось, не слышал Валькиных слов.

– Понял, говорю, или нет? Хорош вафли ловить, отвечай!

– Я тут подумал, – начал Вафел, – откуда в метро может оказаться знак «Летучего голландца»?

– Коллекционер потерял.

– Наверное...

Коля, все еще думая о чем-то своем, зашагал прочь. Но дойдя до угла дома, остановился.

– Подожди, – побежал он обратно. – А звонить я куда буду? У меня твоего телефона нет.

Листочка ни у кого не оказалось, и Чайник нацарапал дядин адрес в Самаре прямо на Колькиной ладони.

– Не забудь переписать, – наставлял его Шейкин, старательно выводя цифры, – прежде чем руки пойдешь мыть. Понял?

Но Вафел уже погрузился в свои мысли и на указания одноклассника не отреагировал.

– Ну а ты чего стоишь? – напустился Валька на замершую Подгорнову. – Домой иди, завтра рано вставать.

– А если они вернутся? – еле слышно прошептала Машка.

– К тебе не вернутся, – заверил ее Чайник, исчезая в подъезде.

Глава III

Дорога с привидениями

Всю ночь Вальке снились ведьмы. Он их рубил шашкой, протыкал пикой, гонял хлыстом, но они кружились вокруг него и его верного коня, не давали пройти к пещере, где хранились несметные сокровища – велосипеды, скутеры, самокаты и компьютеры с коллекцией последних игрушек. Когда он уже подобрался к заветному входу и пересек красную черту, все вокруг зазвенело, наполнилось дымом, почва задрожала. Конь под Валькой заржал и, приседая на задние ноги, стал пятиться.

«Землетрясение», – подумал Чайник. Звон стал непереносимым, перешел в противный треск будильника, пещера отъехала в сторону, из-за нее на мгновение показалась перекошенная физиономия Болта. Конь опрокинул Вальку, и он проснулся.

На этом утренние кошмары закончились.

На поезд Машка бессовестно опаздывала, лишний раз доказывая, что с девчонками нельзя иметь никаких дел. Валька в душе надеялся, что она не придет совсем. Мама, собравшая Чайника не на один день дороги, а как минимум на месяц, рассовывала по полкам купе бесчисленные сумки и пакеты.

– Это съешь сейчас, – говорила она Вальке, угрюмо сидящему около окна и терпеливо пережидаящему долгие проводы. – Это вечером – не затягивай, а то испортится. Кефир выпьешь перед сном. Колбасу оставишь дяде Сереже. Конфетами поделишься с Машей. Ты меня слышишь?

– Слышу, – безучастно отзывался Валька.

– Вы уж присмотрите за ребятами, пожалуйста, – обратилась мама к дядьке, лежащему на верхней полке. Шейкин и не знал, что он там находится. – Они тихие, спокойные. Но мало ли чего – обидит кто или на станции выбегут. Тут еще девочка подойдет.

– Посмотрю, – радостно отозвался мужик, – чего не посмотреть? У меня у самого внуки, знаю, как с такой шантрапой справляться.

– Сам ты шантрапа, – себе под нос пробормотал Чайник, демонстративно глядя в окно. По платформе бежала Подгорнова, волоча за собой огромный чемодан на колесиках. Мама кинулась ей навстречу.

– Ничего себе! – ахнул Валька, когда чемодан впихнули в проход между полками. – Подпригоркина, ты чего-нибудь побольше захватить не могла? Еще не весь вагон твоими баулами заполнен.

– Валентин! Как ты разговариваешь с девочкой? – всплеснула руками мама, погрозила Чайнику пальцем и убежала, потому что поезд уже трогался.

Маша безуспешно пыталась вскинуть чемодан на верхнюю полку. Она демонстративно кряхтела, но Шейкин всего этого не замечал. Не хватало ему еще Машкины вещи таскать.

– Давай-ка вместе.

С верхней полки свесилась пятка в застиранном носке. Пятка дернулась, чуть не заехав Чайнику по лбу, и на пол мягко прыгнул невысокий крепенький дядька в тельняшке и спортивных штанах. Синие полосы заплясали у Вальки перед глазами, дыхание у него перехватило, и он закашлялся. Тельняшка у него теперь стойко ассоциировалась с Болтом.

Дядька тем временем легко вскинул тяжеленный чемодан наверх.

– Не для ваших ручек сумочка, барышня, – мягким голосом промурлыкал дядька, усаживаясь на Машкину полку. – Отдыхать едете?

– Отдыхать. – Машка залилась румянцем и по-дурацки захлопала ресницами. Ну какие дела после этого можно иметь с девчонками, если она первому встречному глазки строит?

– Вместе мы, – решил вмешаться Чайник, чтобы спасти одноклассницу от очередной глупости.

– Вот и ладно, вот и славненько, – расплылся в широкой улыбке дядька. При этом все лицо его собралось мелкими-мелкими морщинками, левый глаз лукаво смотрел из-под полуприкрытых век. Волосы на его голове завивались в густые кудри, одна прядь падала на лоб, прикрывая правый глаз. – В море купаться будете?

– Ты чего, дядь? – взорвался Валька, у которого с географией всегда было туго, но где находится Самара, он знал точно. – Какое море? Поезд «Москва – Уфа».

– Ну да, ну да... Уфа. Город такой, да? А там разве моря нет?

Ребята удивленно переглянулись. Неловкое молчание нарушил ворвавшийся в купе высокий худой взлохмаченный парень.

– Тринадцатое здесь? – с порога крикнул он.

– Туточки где-то, – переключился на парня дядька.

– Слава богу, чуть не опоздал. Думал – все, не догоню.

Парень метнул на верхнюю полку тощий рюкзак, звякнувший чем-то железным; на ходу роняя ботинки, запрыгнул туда сам, немного повозился и затих.

Валька тупо смотрел за окно, где проносились ровные ряды березок и елок. Колеса ритмично стучали на стыках. «Догнал», – шевельнулось в его голове, и он опасливо покосился на верхнюю полку. Судя по звукам, там уже вовсю спали. «Интересно, он бежал или ехал?» Валька тут же представил сцену из старого приключенческого фильма. Идет поезд, а за ним на дрезине едут двое, старательно раскачивая двигательный привод. Дрезина догоняет последний вагон, человек цепляется за поручни. Свистят выстрелы. Второй человек в дрезине падает, а первый забирается на крышу и бежит, перепрыгивая провалы сцепок. Кошется в такт движению на его спине полупустой рюкзак. По ходу он еще успевает стрелять в поднимающихся ему навстречу врагов. Добравшись до нужного вагона, человек спускается через открытое окно туалета, отдуваясь, проходит по коридору и открывает дверь купе.

Над Валькиной головой что-то ухнуло, он втянул голову в плечи и опасливо покосился в сторону окна. За стеклом, вяло позвякивая, болталась цепь, состоящая из больших толстых ржавых колец. Чайник повернулся, чтобы показать на это странное явление, но появившийся скелет быстро все подобрал. Шейкину показалось, что он слышит, как скелет произнес: «Ой, простите».

Совершенно красная от волнения Машка тем временем рассказывала дядьке о школе, о подружках и о том, какие они с Чайником друзья. Валька вовремя толкнул ее, а то она уже собиралась говорить о вчерашнем приключении в трамвае и о Валькиной любви к езде в технических поездах.

Не растерявшаяся Подгорнова стала разбирать свои бесчисленные кульки и пакеты, и вскоре весь стол был заставлен едой.

«Нет, все-таки какая-то польза от девчонок есть, – думал Чайник, уплетая копченую курицу. – Хоть покормят как следует».

От всего съеденного, от жары в купе Вальку разморило. Он уже стал клевать носом, когда дверь звонко щелкнула и на пороге возникла проводница, худенькая девушка с тонкими чертами узкого лица и испуганными большими глазами. Казалось, еще немного – и из них польются слезы.

– Чай? – пискнула она, отводя маленькой рукой светлую челку, упавшую на лоб.

– Иди, иди отсюда, – грубо махнул на нее дядька. – Есть у нас все.

По крыше опять затопали.

– Чего у вас там происходит? – спросил Шейкин, показывая наверх.

– Провода, – пожала плечами девушка, закрывая дверь.

Валька выбрался из купе, еле протиснувшись мимо развалившегося на лавке дядьки. Мимоходом глянул на верхнюю полку. Парень все так же лежал, уткнувшись лицом в стенку и слегка покачиваясь в такт вагона. Поезд тряхнуло на повороте. Шейкин ткнулся подбородком в острый край полки. Парень заворочался. Чайник испугался, что его застанут за подглядыванием. Он резко присел и встретился взглядом с дядькой.

От удара и от резкого движения у Вальки все поплыло перед глазами, лицо дядьки стало двоиться, троиться. Это уже был не толстяк с добродушной улыбкой, а одноглазый пират в грязной тельняшке, с треснувшей трубкой в углу рта.

– Ты чего, милоч? – подхватил падающего Вальку дядька, теперь он уже вроде выглядел нормально. – Держись на ногах, морячок!

Валька пулей вылетел за дверь.

Надо же, как в него въелись все эти глюки! Даже в поезде не отстают. Нет, много учиться вредно. Даже те последние дни, что он посещал школу, не прошли бесследно.

Чем дальше, тем больше Шейкину казалось, что все эти пираты, медальоны, цепи и скелеты с Красными Руками – все результат усталости после учебы. Кому-то барабашки видятся, кому-то инопланетяне. А вот ему «Летучий голландец». Это все, наверное, от Вафли пошло. Заразил он его своими учеными выкладками и задумчивостью.

Скорее, скорее нужно бежать от всего этого. На волю, на свежий воздух, на речку. Там все выветрится, вымоется и забудется, как забывался каждый учебный год в легкой Валькиной голове.

В коридоре никого не было. По крыше продолжали стучать. Чайник несколько раз прошелся туда-сюда по ковровой дорожке. Все так же тыдыхали колеса, за окном мелькали все те же деревья. Первая остановка должна была быть через двадцать минут. В коридор по-прежнему никто не выходил. Валька еще немного погулял вдоль окон, пощелкал откидывающимися сиденьями. Становилось скучно, и он пошел в тамбур.

Еще не открыв дверь, Шейкин почувствовал, как по ногам бьет сильный сквозняк. Он поежился.

В стекле двери, выходящей в тамбур, висел глаз. Большой, величиной с ладонь, ярко-красный, с огненно-рыжим зрачком, уставившимся на Чайника.

Валька шарахнулся назад, задом открыв дверь в коридор. Глаз прожег в стекле дырку, вплыл в предбанник перед туалетом и прилип к следующей двери. Чайник попятился, попробовал встать на ноги, но мотнувшийся на разъезде состав отправил его обратно на ковер. С легким шипением глаз прожег и это стекло. Шейкин схватился за ручку ближайшего купе, подергал ее. Дверь не открылась. Он кинулся к следующей, забарабанил по блестящему пластику.

– Помогите! Откройте!

За дверью посыпалось что-то металлическое, щелкнул замок, в проеме появилась лысая черепушка. Клацнули зубы.

Глаз повис у Вальки над плечом и, казалось, с любопытством рассматривал выглядывающий из купе скелет.

– Уйди отсюда, – замахал руками Чайник.

Глаз ловко увернулся, сделал над его головой круг и как назойливая муха снова повис на уровне его головы.

– Что вы ко мне привязались? – заорал Валька, прижимаясь к окну, но тут же отпрянул от него, опасаясь, как бы оттуда не проявилось еще чего-нибудь. – Нет вас! Поняли? Нет! Убирайтесь!

Глаз мигнул невидимыми ресницами и стал не спеша приближаться, совершая короткие прыжки из стороны в сторону. Валька схватил вставленный в ячейку под расписанием

рекламный проспект, мгновенно свернул его в трубочку и, коротко замахнувшись, ударил по летящему к нему предмету.

Глаз врезался в стенку между дверями купе и прилип. Было видно, как он дергается, пытаясь оторваться. Валька припечатал глаз проспектом, чтобы тот не отклеился, и побежал к своему купе.

За дверью ему открылась странная картина. Машка, ставшая пунцовой от смущения, размахивая руками, рассказывала соседу о какой-то школьной вечеринке. Напротив нее сидел дядька, тельняшка у него поблекла, вытянулась и сильно запачкалась на плечах и рукаве. В зубах он держал почерневшую трубку. Выходивший изо рта и носа дым скрывал его лицо, обезображенное шрамом. Дым растворялся, не оставляя в купе никаких следов, так что Машка, всегда привередливая к табаку, не обращала на него внимания. Дядька добродушно похихатывал над Машкиными историями, большой живот под тканью ходил ходуном. С верхней полки раздавались тоненькие смешки. Выспавшийся парень лежал на боку, подставив тощую ладонь под голову, в тонких грязных пальцах другой руки поблескивала бритва. Длинные полы пиджака были заправлены в карманы старых брюк, рукава засучены, видневшаяся часть руки была испещрена татуировками.

Валька до такой степени был удивлен, увидев эту мирную картину, что совсем растерялся. Подгорнова повернула к нему раскрасневшееся лицо, виновато улыбнулась.

– Валечка, проходи, – махнула она рукой. – Тут дядя Володя такую интересную историю рассказал. Оказывается, он был моряком! Представляешь?!

– Давай, малява, не устраивай сквозняка, – прохрипел Бритва с верхней полки, – а то дама простудится.

Дверь за спиной Чайника сама собой захлопнулась, повернулся в замке ключ.

– Валька, ну что же ты? – не унималась Подгорнова. – Садись рядом.

Шейкин упал на край лавки и уставился на одноглазого.

– Вот мы и снова встретились, – улыбнулся он щербатым ртом. – Не рад?

– Вы кто? – недвигаясь губами прошептал Валька.

– Тю, – присвистнул Бритва, – забыл уже! А я-то думал, мы кореша...

– Вы знакомы? – удивилась Машка.

– Шла бы ты, Подкучкина, водички попить, – посоветовал Шейкин, но Машка как будто его не слышала.

– Что ты, Валечка, тут так интересно. А у нас лимонад есть. На, попей. – И она сунула в онемевшие руки Чайника двухлитровый жбан с ядовито-оранжевой жидкостью.

– Попей, попей, чего мнешься? Тебя ждет долгая дорога, – подмигнул Болт.

– Куда? – сипло спросил Шейкин, как родную прижимая к груди плещущуюся бутылку.

– Ну, куда вы там собирались? В Уфу или на Черное море?

– Что вы! – залилась своим дурацким смехом Подгорнова. – Мы в Самару едем, к Валькиному дяде. Он в пароходстве работает.

– Ага, – утонул в дыме одноглазый. – Впрочем, это неважно. Вагон все равно без поезда идет.

– Как без поезда? – захолоп глазами Валька.

– Смешно, – захохотала Машка, запрокидывая голову. – Очень смешно. Ты чего, Чайник, поверил, да? Это же дядя Володя так шутит.

Валька сунул обратно однокласснице жбан с газировкой, ногами залез на стол, перегнувшись в окно.

Вагон действительно ехал один. Ни спереди, ни сзади него ничего не было. Он одиноко мчался, радостно постукивая на стыках и даже, кажется, гудел.

Больше ничего Шейкин увидеть не успел, потому что получил увесистый пинок под зад и головой вперед полетел из окна. И вновь, как тогда с грузовиком, все происходящее

затормозилось. Мимо распахнутых в ужасе глаз Чайника пронеслось окно, в котором виднелось несколько оскаленных в улыбке черепов. Потом он больно стукнулся головой о камни насыпи, перекувырнулся и упал на рельсы за укатившим вагоном. Не успел Валька облегченно перевести дух, как воздух заколыхался, забухал, зашелся в бешеном танце, оглушил Чайника, налетел вихрем еще одного тыдыхающего вагона. Шейкин зажмурился, а когда открыл глаза, увидел часть себя лежащей по одну сторону рельс, а ноги – по другую. Боли не было. Одно удивление: как это он ухитрился так разделиться? Потом пронесся еще один поезд, воздушная волна отбросила его ноги, и те самостоятельно встали и пошли.

Валька полежал еще немного, ему становилось скучно, вокруг ничего не происходило. Послышалось шипение.

«Поезд», – с радостью подумал Шейкин.

Но это был не поезд. Шум накрывал, с грохотом обрушивался и с тихим шелестом откатывался. Запахло плесенью.

«Море!» – догадался Чайник. Он задергался, чтобы повернуться в сторону моря и как следует разглядеть его. Море Валька видел только в кино.

Волны уже бились о рельсы. Они вздымались горой и тут же опадали.

Что-то загородило солнце. Валька перевернул себя и тут же откатился в сторону, потому что прямо на него шел огромный корабль. Его деревянные бока почернели от времени, местами видны были пробоины. На носу головой вниз болталась голая по пояс деревянная тетка. Она тоже была вся изъедена морской водой, только глаза у нее оставались ясными и чистыми. И эти глаза очень нехорошо смотрели на Шейкина. Из трех мачт на корабле держались только две, третья лежала на второй, макушка ее была отломана. Парусов на мачтах не было, на верху первой мачты болталась истрепанная черная тряпка. Корабль ткнулся носом в песок. Перед Валькиными глазами мелькнуло нечто белесое, и рядом с ним опустилась девушка. Та самая. Из воды вышел белый конь, отряхнулся, обдав всех брызгами, с шумом втянул в себя воздух, ткнулся мордой в плечо девушки. Она потрепала его по холке.

– Как ощущения? – радостно спросила она, обращаясь к Шейкину. – Правда, здорово?

– Какие тут могут быть ощущения? – возмутился Чайник, удобней устраиваясь около девушки. – Куда ноги дели?

– Они погулять пошли, – весело отмахнулось привидение. – Не все же тебя таскать.

– Я не согласен. Пускай возвращаются, они мне еще пригодятся.

– Зачем тебе сейчас ноги? – расхохоталась девушка.

– Как зачем? Ходить буду. Вы тут не мудрите! – напустил он на себя грозный вид. – Возвращайте все обратно и катитесь отсюда.

Девушка замотала головой, ее смех перешел в бульканье.

– Ой, не могу, – задыхалась она. – Катитесь, говорит... Ты что, не понял? Ты же мертвец. Нет тебя больше!

Услышанное до того поразило Вальку, что он открыл рот, да так и застыл. А девушка уже каталась по мокрому песку, не в силах сдерживать приступы смеха.

– Но я же говорю, – уцепился за последнюю надежду Шейкин. – Слышу, чувствую. Я тебя вижу, наконец.

– А, – повела прозрачной рукой девушка. – Это старая память. Она скоро сотрется, и ты все забудешь.

– Нет! – Опираясь руками о песок, Чайник попробовал отползти от привидения поближе к рельсам. – Неправда! Пустите меня обратно! В поезд! Вас нет.

– Вот еще, – перестала смеяться девушка. – Это тебя нет, а мы есть. И если бы ты не совал свой нос куда не следует, был бы сейчас жив.

– Так вы из-за метро на меня взъелись? Что я вам тогда сделал?

– Какой любопытный мальчик, – раздалось сверху. – Помер, а все спрашивает.

– Бросьте его, – прохрипели сбоку, – мы свое дело сделали. Нам осталось того очкарика найти, и можно отправляться домой.

– Эй, какого очкарика? – Валька наконец смог удобно развернуться и увидеть всех четверых. Лицо Болта все так же тонуло в табачном дыму, Бритва был хмур и недовольно поглядывал по сторонам, молчаливый гигант только что спрыгнул с корабля в море и сейчас короткими резкими гребками плыл к рельсам. Одной рукой у него это получалось не очень хорошо. – А Машка где?

– В Самару едет твоя Машка. – Болт выпустил клуб дыма и усмехнулся. – Хозяйственная она у тебя. Ты за нее держись.

– Не собираюсь я за нее держаться, – скривился Чайник. – Быстро возвращайте мне ноги и исчезайте из моей жизни.

– Нет уж, родной, – присел рядом с Валькой одноглазый. – Никуда мы друг от друга теперь не денемся. Ты теперь член нашей команды, и звать тебя будут Безногий. Все, кто на корабль попадает, становится одним из нас. Живым людям нас видеть нельзя. А кто столкнулся, тот становится покойником. Видел скелетики? Наша работа. Сколько таких дурачков, как ты, по метро шастают, ты даже не представляешь. Обходчики, проверяющие. А тут еще мода пошла на диггеров. Знаешь таких?

– Слышал что-то, – еле шевелящимися губами пробормотал Шейкин. – Они под землю ходят, по всяким лабиринтам.

– Вот-вот. Хорошие ребята. Куда ни приедешь, везде они есть. Ну и на рельсы под поезд людишки часто падают. Тоже наши клиенты. Мы же смерть несем – тебе, кажется, друг твой рассказывал. – Болт заглянул единственным глазом в лицо мальчика. Нехороший был этот глаз, красный, с ярко-оранжевым зрачком, с белесыми, почти невидимыми ресницами. Где-то Валька уже видел такой. Как же? Точно такой летал по вагону. Так вот кто за ним следил!

– Откуда вы только взяли на мою голову?

– Позвали нас, – коротко бросил Бритва. – Мы и пришли. Когда хорошо просят, всегда приятно услужить. Одна проблема – видеть нас могут лишь мертвые.

– Вы среди покойников бегаете?

– Нет, – низко наклонился над Шейкиным Болт. – Тот, кто нас увидит, покойник. Понял? А теперь пора нам, у нас есть парочка не совсем умерших клиентов.

– Это вы про Машку, что ли? – засуетился Валька. – Эй, стойте, не трогайте ее! Слышите? Она вас не видела! А Вафел только книжки читать умеет. И медальон я ему случайно отдал, ради шутки. Слышите? Стойте! Немедленно остановитесь!

Пираты уходили.

– Все-таки покойники нынче нервные пошли, – останавливаясь у воды, вздохнул Бритва. – Ты с ним по-хорошему, а он ругается.

– Заставил он нас повозиться. – Болт постучал трубкой о кулак и затынулся. – Шустрый, никак не хотел умирать.

– Ничего, скелетом станет, успокоится, – заверил его Бритва и ступил в воду.

Гигант горестно покачал головой, коротко разбежался и прыгнул в море. Девушка летела над водой, слегка касаясь ее концами своего балахона. Конь шел рядом с ней.

Валька, отталкиваясь руками от земли, пытался догнать уходящих пиратов. С каждым рывком передвигать себя становилось все легче и легче. Он глянул на свои руки и похолодел: вместо привычной кисти с короткими пальцами и изгрызенными ногтями перед ним на земле лежала белая костистая рука скелета. Шейкин испуганно схватился за грудь, но вместо рубашки и теплого тела почувствовал холодные колющие кости ребер. Он хотел закричать, но вместо крика из его рта раздалось клацанье и скрежет. Тут же со всех сторон к нему полезли скелеты. Чайник из последних сил дернулся в сторону пиратов, но на них сверху уже что-то падало, большое, темное, похожее на огромный чемодан с колесиками. Это «что-

то» ухнулось в море, пошла огромная волна, смывшая стоящих на берегу, плывущих и летящих. Корабль вздыбился, накренился и рухнул на копошащиеся скелеты. Валька попытался прикрыть голову, но неведомая сила приподняла его и встряхнула.

Темно. В голове больно стучат колеса.

«Я опять на рельсах», – испуганно подумал Чайник, но двигаться с места не было сил, и он просто закрыл глаза.

Поезд продолжал стучать, вагон мотало. На лицо что-то капало, теплое и противное. Над головой хлюпали носом. Валька заворочался, пытаясь спрятать голову от дождя. Тело взорвалось болью: заболели плечи, руки, спина, зад, шея. Это вывело Шейкина из оцепенения, и он открыл глаза.

В окно било солнце, а перед ним было заплаканное лицо Подгорновой.

Он сидел на полу под столиком, неудобно скрючившись между лавками. У него на коленях лежали остатки курицы, со столика капала ядовито-оранжевая жидкость. Рядом на полке лежал распахнутый чемодан с треснувшей крышкой, по всему купе были разбросаны яркие тряпки. Одна такая тряпка висела у Вальки на голове. Машка сидела среди своего разбросанного хозяйства и горько рыдала.

– Валечка, – взвизгнула она, увидев, что предмет ее обожания пришел в себя. – Ты жив!

Но Шейкину было не до нежных объятий. Он сосредоточенно ощупывал себя, проверяя, все ли части тела на месте. Первым делом он ощупал ноги, потом проверил руки и голову, для верности попытался издать какой-нибудь звук. Звук из горла вышел хриплый.

А между тем Машка, задыхаясь и давась слезами, рассказала, как дядя Володя, до этого мирно сидящий на лавке, зачем-то стал пугать их тем, что вагон едет без локомотива. Валька высунулся в окно, чтобы это проверить. Дядя Володя встал рядом с ним. Подгорнова так и не поняла, что он хотел сделать, потому что поезд в этот момент мотнуло, вагон резко накренился, отчего из багажного отделения вылетел Машкин чемодан и упал прямо на поднявшегося соседа. Углом стукнувшись о столик, чемодан подпрыгнул. В этот момент парень, лежащий на своей полке, стал спускаться, чемодан задел и его. Полетели во все стороны вещи. Началась паника. Машка сначала кинулась ловить чемодан, потом спасать вещи, а когда она наконец смогла из-под своих юбок и кофт раскопать Вальку, никого в купе уже не было. Ни дяди Володи, ни парня с верхней полки. Один Шейкин лежал под столом как мертвый и только губами шевелил, как будто с кем-то разговаривал.

Валька отодвинул рыдающую Машку и выглянул в коридор. Он был полон народа, столпившегося около их купе. Все вопросительно посмотрели на Шейкина.

– Что-то упало? – осторожно спросила стоящая ближе всех женщина.

– Граждане, разойдитесь, сейчас разберемся. – Сквозь толпу пробиралась толстая проводница в форме. – Что у вас тут?

Валька машинально ощупал голову, сорвал все еще висевшую на ухе Машкину майку и судорожно сглотнул. Он все ждал, что проводница начнет меняться, из толстой станет невысокой и худенькой. Но проводница меняться не собиралась, а, уперев руки в бока, рассматривала погром в купе.

– Чемодан у нас упал, – хмуро доложил Валька.

– Сами уберете? – без надежды в голосе спросила проводница.

– Уберем, – уверенно закивала Машка и стала сгребать свои вещи в кучу.

– Соседи-то ваши где? – проводница подозрительно осматривала купе.

– Сошли, – неожиданно для себя брякнул Шейкин.

– Совсем, – зачем-то поддакнула Подгорнова.

– Когда же это они успели? – всплеснула руками проводница и, расталкивая людей, побежала по коридору.

Когда их оставили в покое, Валька уселся на свою полку, скрестив руки на груди, мрачно посмотрел на причитающую над вещами Машку, набрал в грудь побольше воздуха и начал рассказывать. От удивления Подгорнова забыла про вещи.

– Что же теперь делать? – только и смогла произнести она.

– Ничего не делать, – рассердился Валька на непонятливость одноклассницы. – К дядьке моему ехать. Или ты собираешься с поезда прыгать?

Машка замотала головой.

– В Москву возвращаться нам нельзя. – Для солидности Шейкин хотел пройтись по купе, но разбросанные вещи и остатки чемодана сделать это не дали. – Там они нас точно найдут. А в Самаре, может, удастся спрятаться. – Шейкин радостно щелкнул пальцами. – Им искать не по чему. Медальон-то я у Вафли оставил. – Но, вспомнив Семенова, он помрачнел. – Хотя с Вафлей неудачно вышло. Одноглазый сказал, что за него они тоже возьмутся.

– Зачем же ты это сделал?

– Зачем, зачем... – передразнил ее Валька. – Так просто, чтобы расшевелить его, а то сидит, уткнувшись в свои книжки.

– Они его убьют? – еле слышно прошептала Подгорнова.

– Слушай, Подпригоркина, – разозлился Шейкин. – Что ты ко мне с этим Вафлей привязалась! Ты о себе лучше подумай. Они и за тебя хотели взяться, не только за него. И собери свои шмотки, пройти нельзя.

Раскидывая ногами юбки и майки, Валька вышел в коридор. Опасливо покосился по сторонам – у окон стояли две женщины и мужчина.

Значит, все в порядке, они едут в нормальном поезде.

На полу валялся смятый проспект. Один угол у него был подпален. В дверь тамбура было вставлено двойное стекло, и одно из них по центру имело продолговатое отверстие с оплавленными краями.

Шейкин потер лоб, чтобы лучше соображалось.

Дырка есть, буклет скомкан. Все было?

Он задрал штанину на левой ноге, посмотрел на свою тощую икру.

Ноги на месте, никто ему ничего не отрезал. Значит, никакого моря и корабля не было, и ни ему, ни Семенову никто не угрожает.

Валька опять посмотрел на прожженное стекло.

Или угрожает?

Он осторожно толкнул дверь во второе от туалета купе. В нем женщина укладывала спать двух малышей. Они лежали рядом на одной полке и отчаянно брыкались.

– Простите, – пробормотал Валька.

Скелетов здесь нет, ему все показалось.

Чтобы окончательно себя успокоить, он сходил в тамбур. Там было сильно накурено, поэтому Валька задерживаться в нем не стал.

От переживаний всего этого длинного дня его потянуло в сон. Вернувшись в свое купе, он тут же упал на свою кровать и уснул.

Проснулся он посреди ночи от противного скрипа у себя над ухом. За окном горел фонарь, подвешенный на толстую железную цепь. Цепь покачивалась в такт поезду и пронзительно скрипела. Фонарь был старый, за его стеклами билось яркое пламя. Вальке показалось, что он слышит, как это пламя шипит на ветру. К скрипу и шипу примешивался постоянный гул чего-то накатывающего.

Шейкин почувствовал, как от головы к пяткам пробежали противные мурашки.

Около рельсов плескалось море. И ему даже не надо было вглядываться в темное стекло, чтобы догадаться, что где-то там несется под всеми своими рваными парусами

«Летучий голландец». На носу его стоит одноглазый пират, во рту у него неизменная трубка, а единственный глаз выискивает среди окон поезда то, за которым сейчас спит Чайник.

От этих мыслей Вальке стало не по себе. Он заворочался, пряча голову под одеяло, чтобы не видеть свет и не слышать море.

Видеть и слышать он перестал, зато стал чувствовать, как кто-то топает по крыше – дрожали перегородки. Эта дрожь передавалась лавке, а от нее и Вальке. Чайник высунул нос из-под одеяла, осторожно покосился в окно.

Свет погас, море исчезло, и стала слышна зловеющая пиратская песенка:

Крест и череп, черный флаг,
Прочь несется наш мертвяк...

В стекло негромко поскреблись. Валька приподнял голову. В окне головой вниз болтался скелет, он щелкал челюстью и махал Чайнику костистой рукой. Потом он забрался на крышу и стал по ней бегать. Но не один. Топот стоял такой, будто там сразу двадцать покойников решили развлечься. Шейкин представил, как много-много скелетов, обняв друг друга за плечи, встают в круг и пытаются станцевать сложный танец с притопыванием, подскоками и приседаниями. И все это должно сопровождаться заунывным пением и стуком костей.

Шейкин перевернулся с боку на бок, надеясь, что глюк исчезнет. Но он не исчез. Наверху продолжали завывать и топать.

Мертвецы орали на крыше всю ночь.

Глава IV

А в это время...

Коля Семенов в первый день каникул встал в семь часов утра. Конечно, можно было и подольше полежать, но ему не хотелось терять драгоценное время. Вчера ночью он не успел дочитать интересную книгу и сейчас спешил снова за нее взяться.

Сделав зарядку и почистив зубы, он вышел на кухню. Мамы не было. Он задумчиво постоял около пустого стола, соображая, почему нет завтрака. Так ничего и не придумав, он залез в холодильник, сделал себе несколько бутербродов, налил молока и перенес еду в комнату. Здесь он уселся за стол и уже собрался читать, как на глаза ему попался бархатный мешочек. В нем лежал медальон.

Коля так и не понял, зачем Валя отдал ему такую ценную вещь.

С медальоном в одной руке и мешочком в другой Семенов прошлепал босыми ногами в комнату родителей.

– Папа, – заговорил Коля, не обращая внимания на то, что родители еще спали. – Мне медальон вернули.

– Да? – спросонья буркнул папа, но головы от подушки не поднял.

– Я тут подумал...

Коля стал долго и обстоятельно выкладывать свои мысли, но его никто не слушал. Проговорив минут пять, Семенов замолчал, посопел и ушел в свою комнату.

Здесь он опять попробовал читать, но лежащий на столе медальон не давал ему покоя. Уж больно он был загадочный. Знак «Летучего голландца»? Откуда он здесь? Если бы поблизости было море, тогда понятно. Но в Москве нет моря, только река. И парусных кораблей здесь нет. А вещичка сама по себе ценная, это еще профессор позавчера папе сказал, значит, такие в карманах не носят и в метро не таскают. Ее надо под охраной в бронированном грузовике перевозить.

А если это украли из музея?

Не совпадает, морских музеев в Москве нет, а если и есть, то он вряд ли исторический. Что же это тогда?

Коля медленно оделся и пошел в прихожую.

– Ты куда? – крикнула мама.

– Мне надо... – неуверенно пробормотал Семенов.

– Возьми деньги, хлеба купи, – раздалось из спальни.

Коля машинально положил в карман деньги, сунул туда же пакет и вышел на улицу.

Первый день каникул был просто замечательный. Светило солнце, чирикали птички, веселые люди шли по своим делам.

Если бы Коля был не такой задумчивый, он бы заметил больше. Но ему сейчас было не до этого. Он шел в библиотеку, чтобы по энциклопедии проверить появившуюся у него в голове идею.

Солнце все так же светило, птички все так же чирикали. Проходя вдоль нового, только что построенного дома, Коля услышал за своей спиной душераздирающий крик. Он испуганно обернулся. Кто-то кинул в кошку кирпич, и теперь она жаловалась, вертясь на месте от боли. Рядом хлопнулся еще один кирпич.

«Угу», – о чем-то своем подумал Коля и пошел дальше.

Дорогу он перешел по подземному переходу. Ждавший его у перекрестка грузовик с легким пшиком растаял в воздухе. Выйдя на улицу, Коля засмотрелся на продавца шариков, переодетого в яркий костюм клоуна. В это время с огромной скоростью на него несли худенький парнишка на велосипеде. Коля сделал шаг вперед, чтобы лучше рассмотреть, как

продавец надувает шарик. Велосипедист промчался в миллиметре от его пятки, удачно врезавшись в стоящего рядом полицейского.

Поднялся крик, запричитали женщины. Последним на этот шум повернул голову Коля. Нахмурившись, он разглядывал собирающуюся толпу.

«Ну да», – опять о чем-то подумал Коля и пошел дальше, ощупывая в кармане ценную ношу.

«Все-таки бронемашина для него была бы надежней».

Он углубился во дворы. До библиотеки оставалось пройти один квартал, когда из-за кустов на него вылетел огромный черный пес. Зверь затормозил всеми четырьмя лапами около Вафли и зарычал. Коля замер, помня о том, что перед собакой лучше не бежать. Но это не помогло. Пес пару раз хрипло гавкнул и прыгнул. В это время с другой стороны двора раздалось залиvistое тьяканье, и к черной собаке помчалась серая псина микроскопических размеров. За собой на поводке собака тащила упирающуюся хозяйку, девчонку лет двенадцати. На лай этой козявки отозвалось еще несколько голосов, и через секунду со всех сторон двора уже бежали разномастные и разноцветные собаки. Черный зверь, не ожидавший такого нападения, попятился и, забыв о Коле, кинулся наутек. Несколько собак побежали за ним, они догнали его, взяли в кольцо и, злобно огрызаясь, стали нападать. Среди общей свары особо выделялся голос крошечной серой псины.

«Так», – снова отметил про себя Коля, поднимаясь по ступенькам библиотеки.

Библиотекарша с удивлением смотрела на мальчика, который в девять часов утра пытался взять книги по мистике, колдовству и оккультным наукам, а также исторический трактат арабского средневекового ученого. Ничего, кроме тоненькой брошюры по древним суевериям, в библиотеке не нашлось. Коля на всякий случай взял ее и в еще большей задумчивости вышел на улицу.

Собак нигде не было. Но даже если бы они и были, Семенов вряд ли заметил бы это, потому что в данный момент пытался соединить в голове некоторые факты. В себя он пришел только после того, как услышал над своим ухом трамвайный звонок. И ладно бы улица была большая, рельсы на ней лежали. Нет! Шел Семенов по узкому переулку, здесь не только рельсы негде было положить, редкие машины с трудом проезжали.

Но он все-таки был. Сзади, прямо на Вафлю, не спеша шел трамвай. Самое поразительное было то, что рельсы сами выкладывались перед ним. Они выскакивали из-под колес и вращались в асфальт. Зрелище было до того необычным, что Коле захотелось обежать вокруг вагона и посмотреть, куда деваются рельсы после того, как по ним пройдет состав. Сделать это он не успел, потому что из подъезда вышла старушка. Ее несколько не удивил проплывающий мимо трамвай. Ее возмутило, что этот самый трамвай не уступил ей дорогу.

– Ах ты негодник! – взмахнула бабка клюкой.

В трамвае что-то звякнуло, старушка замерла, а потом рассыпалась по асфальту множеством белых косточек.

«Ага!» – мгновенно блеснула мысль в Колиной голове. Он перемахнул через низкую ограду детской площадки и по клумбам побежал прочь от странного состава. За его спиной раздался победный звонок и хруст. Мельком глянув через плечо, он увидел, что трамвай смог развернуться, сломать ограду и, все быстрее выкидывая рельсы, пересечь детскую площадку. В какой-то момент Семенову показалось, что это не трамвай за ним едет, а мчится под всеми парусами пиратское судно и на носу у него развевается черный флаг с изображением мертвого ворона и черепов.

Не могло такое происходить сейчас в центре современного города. Просто не могло. Не веря своим глазам, Вафел остановился.

Трамвай уверенно ехал прямо на него.

И тогда Коля совершил самый неожиданный поступок, какой только мог совершить, – он все же решил посмотреть, что с трамваем происходит сзади. На принятие этого решения у него ушли последние драгоценные секунды. Железная громада уже нависала над ним. Ему показалось, что на месте машиниста он видит дивной красоты светлую девушку в белом платье. Она улыбалась ему и манила к себе.

Семенов сделал шаг в сторону. Трамвай прошуршал мимо. Из окон ему грозили кулаками скелеты. Трамвай еще какое-то время по инерции шел вперед, прежде чем внутри сообразили, что надо тормозить и разворачиваться.

Но Коля уже увидел все, что хотел. За трамваем рельсов не было. Они исчезали сразу же, как только с них съезжало последнее колесо состава. Следов они тоже не оставляли – ни на клумбах, ни в песочнице. Даже ограда оказалась целой.

«Так вот оно что!» – неожиданно быстро решил Коля. Он проследил взглядом за проносящимся мимо составом, зачем-то сосчитал торчащие в окнах черепушки – их оказалось тринадцать, – пересек детскую площадку и вошел в первый же подъезд.

Хлопнула дверь.

Семенов поднялся на третий этаж и выглянул в окно. Трамвай стоял около подъезда, вокруг него уже собирались мальчишки. Из кустов вылетел камень. Зазвенело стекло. Трамвай дернулся и задним ходом стал выбираться из опасного района. Но было уже поздно, потому что в него полетело еще несколько камней. Из-под трамвая, как из-под паровоза, пошел пар, он заухал, заклокотал и стал рывками уходить назад. Наверное, в этом направлении рельсы выбрасывались не так быстро, как вперед, потому что двигался он мучительно медленно.

Когда вдалеке смолкли крики провожающих трамвай мальчишек, Коля глубоко вздохнул и упал на ступеньку лестницы. Оказывается, все это время он сжимал в кулаке медальон. Его острый край врезался в ладонь, часть рисунка отпечаталась на вспотевшей коже.

Он еще раз рассмотрел рисунок. Зловещий ворон-мертвец взмахнул крыльями, с одной стороны грозящие морской волной, а с другой – острыми ножами. Семь оскаленных черепов. Корабль.

– Не может быть! – прошептал Семенов.

Неужели за ним охотятся моряки с «Летучего голландца»? Им нужен медальон? И если они его получают, то мир перевернется, горы сдвинутся со своих мест, реки потекут вспять. А иначе зачем в наше время появляться проклятому кораблю, вестнику беды и горя?

Медальон отдавать нельзя. Показывать тоже нельзя. Неизвестно, что может с ними сделать это чудовище. Если оно, конечно, есть, а не померещилось Семенову.

После получасового размышления Коля вспомнил все подробности сегодняшнего утра и решил пока не спешить с выводами, а посмотреть, как будут дальше развиваться события.

Он зашел в булочную, купил батон белого хлеба. Оттуда с толпой бабушек обошел вокруг церкви, увидел фонтанчик с надписью «святая вода» и незаметно опустил в него медальон. Ничего необычного не произошло – он не зашипел, не растаял и не загорелся бесовским пламенем, а остался таким же, как был. Капельки воды искрились на его отполированной поверхности.

Из церкви Коля сразу отправился домой, засел за книги, но, видимо, события утра до того утомили его, что он незаметно для себя уснул.

Проснулся Семенов оттого, что над его ухом пилили.

Он поднял голову, и первое, что увидел, был пустой оконный проем, без рамы. Ее осторожно вынули, не оставив на самом окне никакого следа. В образовавшейся дырке сидела, свесив ноги на улицу, девушка в белом платье, неземной красоты.

Под подоконником стояло целенькое стекло. Высокий тощий человек в грязном длинном полом сюртуке смахивал невидимые пылинки со стекла.

– Эх, – грустно вздохнул он. – Хорошая вещь. А если отточить, то он и резать хорошо станет. Можно легко так – вжжик... – И он быстро провел рукой над своим запястьем. – Ржаветь опять же не будет.

Остатки рамы стояли на полу, и гигант без руки, зажав раму между ног, отпиливал от нее основание, превращая в букву «П». Рядом три скелета дружно рвали Колькину простыню на тонкие полоски, а двое других длинными костяшками пальцев плели из нее веревку. Еще один скелет, чего-то ожидая, как жонглер, перекидывал с руки на руку кусок мыла.

На Колькиной кровати, вальяжно развалившись, лежал толстяк в линялой тельняшке, такой короткой, что она еле прикрывала его здоровенный живот. Почерневшая от времени трубка, казалось, приросла к его губам и стала продолжением уродливого шрама, идущего через все лицо.

Увидев здоровяка, Коля стал что-то вспоминать. И недавний рассказ Валентина, и причитания влюбленной в него Подгорновой, и рассказ о «Летучем голландце».

– Вы капитан Ван дер Декен? – осторожно спросил он толстяка после десятиминутного разглядывания происходящего вокруг.

– Садись, малява, – вместо ответа хрипло произнес Болт, поведя концом трубки в ноги кровати. – Чего стоять? Время еще есть.

– На что? – Семенов осторожно сел на указанное место.

– Сейчас мои ребята все доделают, ты и увидишь. – Он противно усмехнулся.

В это время скелеты довязали веревку и, растянув ее во всю длину, стали натирать мылом. Однорукий гигант оставил пилу и всюду орудовал молотком – прибивал к основанию рамы дощечки для устойчивости. Тощий тип, встав на стул, красной гуашью выводил на верхней перекладине буквы.

«Перекладине?»

Семенов нахмурился. Он внимательно на всех посмотрел, сначала слева направо, потом наоборот, и все равно ничего не понял.

– Послушайте, а как вы здесь оказались? – решил удивиться Вафел. – Вас мама пустила?

Тощий захохотал и, потеряв равновесие, упал со стула, разбрызгав красную краску по полу.

– А паренек-то забавный, – прошипел он.

– Весельчак, – поддакнул однорукий.

Радостно заклацали челюстями скелеты.

– Все-таки живые – они какие-то не такие, – философски изрек Болт. – С мертвыми попроще. Они и поговорчивее, и вопросов лишних не задают. Понимаешь, малец, – повернулся он к Семенову, – нас пускать не надо, мы без помощи являемся. Один раз нас позвали, мы пришли, дальше сами ходим.

– Так вы мертвые? – запоздало спросил Вафел, и только сейчас до него стало доходить, что они делают. На раму, превращенную в букву «П», повесили веревку, один конец ее закрепили, другой связали петлей.

Где-то Коля уже видел такое сооружение. В книжке... на картинке...

Да это же...

– Это же виселица! – вскрикнул Семенов и сам испугался своего голоса.

– Какой догадливый, – пискнул тощий.

– Для кого это? – спросил Коля и, уже произнося эту фразу, все понял.

Для него.

Видя, как он переменился в лице, пираты радостно загалдели.

– Ну вот, Болт, – потер руки тощий, – а ты говорил, что с живыми тяжело. Видишь, он во всем разобрался, ничего ему говорить не надо.

Девушка в оконном проеме залилась звенящим смехом и спрыгнула на улицу.
«Пятый этаж», – ахнул про себя Вафел.

Девушка тут же появилась в комнате со стороны двери, наклонилась над Колей и вынула у него из кармана медальон.

– Это тебе больше не понадобится, – не сказала, а как будто прошелестела она.

Семенов попытался перехватить ее руку.

– Не дергайся, малец, – остановил его за плечо Болт. – Ребята, берите его, – кивнул он скелетам.

Слаженно работая, они протащили Колю через комнату, поставили на стул, накиннули на шею петлю, потуже затянули и на счет «три» столкнули на пол.

Семенов спрыгнул со стула, чуть покачнувшись и встал, глупо улыбаясь столпившимся вокруг него существам. Виселица получилась настолько маленькой, что он головой задевал верхнюю перекладину.

– Незадача, – пробормотал Бритва, обходя сооружение. Девушка мелко захихикала.

Гигант пожал плечами, как бы говоря: «Что мне приказали, то я и сделал».

– Идиоты! – От возмущения Болт побагровел, а шрам его побелел. Паучок в пустой глазнице дернулся и спрятался в волосах. – Простого приказания выполнить не можете? Что-нибудь под виселицу подложите! Быстро!

Скелеты тут же отвязали Семенова и стали подсовывать под ножки стопки книг. Коля безучастно наблюдал, как с полок сдергивают его любимые произведения.

– Осторожнее, – шептал он.

– Не волнуйтесь, капитан, – разглядывая свои ногти, проговорил Бритва. – Сейчас все сделаем. Это вам не с Чайником бороться. Тот слишком шустрый. С этим мы быстренько. Кто же знал, что у них тут все такое маленькое. Другое дело корабль. Перекинул веревку через рею – и сталкивай человечка. Куда он потом денется?

Тем временем книжки были подложены, но виселица не вставала, заваливаясь то вперед, то назад.

Скелеты в углу тихо перещелкивались челюстями.

– Что, что вы делаете? – вопил капитан. – Не видите, что она падает? На стол ее. Работайте, ребятки, времени мало.

Виселицу взгромоздили на стол, укрепили. Но теперь уже Коля сообразил, что к чему. Первых двух подошедших скелетов он сбил с ног, и те рассыпались с легким шелестом. Оставшиеся трое в нерешительности топтались на месте.

– Что стоите? – спрыгнул с кровати Болт. – Все за вас делать надо? Не эпоха, а наказание! С двумя мальчишками справиться не можем!

Он подбежал к Коле.

– А ну быстро лезь на стол, – приказал одноглазый, пригибая к себе мальчика. В этот момент он был страшен – посиневшее лицо, вздыбленные волосы, пульсирующий черный шрам и огромный красный глаз.

– Пустите! – Семенов попытался отцепить от своего локтя толстенькие пальцы капитана. – Мама!

Но ответом ему был звонкий смех девушки.

– Мама не поможет, – прошипел одноглазый и с силой бросил Вафлю к столу. – Мне надоела эта возня. Убейте его!

Семенов пузом проехался по ковру, головой врезался в стопку книг, очки слетели с его носа. Гигант за шиворот одной рукой легко поднял его. Но Коля успел ухватить с пола несколько томиков.

– Отпустите меня! – Пухлый фолиант опустился на лысую черепушку гиганта. – Не подходите! – Брошюра по древним суевериям полетела в девушку. – Что вам от меня нужно? – Из пухлого тома опять полетела пыль – теперь им досталось по макушке Бритве.

В маленькой комнате Вафли поднялась жуткая суеда. Скелеты тыкались во все стороны, пытаясь выполнить приказ капитана. Один из них залез на стол, но пролетавшая мимо девушка столкнула его, он упал и рассыпался. Болт, брызгая слюной, выкрикивал угрозы. Бритва стоял в стороне, делая вид, что его это не касается, но когда книги попадали по нему, он тоже включался в общую сумятицу. Гигант, втянув голову в плечи, пытался поймать Колю. В какой-то момент он схватил за сюртук Бритву и закинул на стол. Ветхая ткань не выдержала грубого обращения и порвалась. Из-под сюртука показалась полуистлевшая грязно-серая рубашка. Бритва заорал дурным голосом. Девушка, испугавшись этого жуткого крика, налетела на стоящее под окном стекло и разбила его.

Грохот и звон заглушил общий крик.

– Мама! – Из последних сил прошептал Вафел. Громко говорить он не мог, потому что Болт придавил его к полу, наступив сверху коленкой.

– Я тебя придушу, на кусочки порежу, сниму с тебя кожу по лоскутикам, заставлю поплавать в море с камнем на шее...

Одноглазый еще долго бы перечислял ужасы, которые он обрушит на голову несчастного Семенова, если бы дверь не открылась и на пороге не появился бы папа.

Щелкнул выключатель. Вспыхнул свет.

Перед глазами Коли все поплыло. Коленка Болта перестала давить на спину, стало легче дышать.

– Нам только родителей не хватало, – со злобой в голосе прошипел капитан.

Скелеты прекратили испуганно щелкать челюстями и скрипеть костями. Смолк смех девушки и причитания Бритвы. Перестал ухать и ахать гигант. Все вокруг подернулось дымкой и стало пропадать.

– Что это?

Коля с трудом приподнялся. Виселицы не было, окно стояло на месте, хлопала от ветра форточка. По всей комнате были раскиданы книжки. Пухлый том «Советской энциклопедии» был разорван пополам. Дополняла общую разруху порванная на лоскуты простыня. Одиноким скелет быстро расплетал остатки веревки, мелко клацая челюстями. Когда белые полосы коснулись пола, он уже растаял в ярком свете электрической лампочки.

Увидев это, папа ахнул и медленно по стенке сполз на ковер.

– Что это? – повторил он.

Коля встал, ногой подальше от себя отодвинул разорванную энциклопедию и задумался. Папа машинально поднял с пола первую попавшуюся книжку, ею оказалась злополучная брошюра по древним суевериям.

– Сынок, ты связался с нечистой силой? – прошептал папа.

– Нет, папа, – тяжело вздохнул Вафел. – Это она связалась со мной.

– Не волнуйся, это сглаз! Мы тебя вылечим. – Папа тут же вскочил и бросился в свою комнату.

– Это кто?.. – вышел в коридор Коля.

– Кто-то нехороший наслал на тебя проклятие, наложил сглаз. От этого ты плохо спишь, видишь по ночам кошмары, нервничаешь, у тебя бывают видения... Ну, там скелеты всякие и покойники.

Папа копался в стопке газет, сложенных на тумбочке в прихожей.

– Ага! Вот она! – он выдернул торчащий цветной листок. – Тебе поможет Вениамин.

– Кто? – Коля попытался рассмотреть, что написано на листке, которым папа размахивал у него перед носом.

– Читай, – вскричал папа, но листок Коле не отдал, а стал читать сам, приплясывая от возбуждения на одном месте. – «Снятие сглаза, порчи. Исправление судьбы. Магия. Помогая в бизнесе и семейных проблемах. Любая помощь. Великий маг и колдун Вениамин». – Папа остановился. – Тебе же нужна помощь, сынок?

– Нужна, – неуверенно кивнул Коля.

– Тогда идем скорее! Это нельзя терпеть! С этим нужно бороться!

Вафел не успел высказать свои соображения на тему, стоит с «этим» бороться или нет, потому что папа уже схватил шляпу, всунул ноги в ботинки и побежал вниз по лестничной клетке.

– Куда вы, а ужин? – выглянула из кухни мама.

Коля пожал плечами и осторожно вышел из квартиры следом за отцом.

Комната, где чудодействовал великий маг и колдун Вениамин, была похожа на склад. От пола до потолка стояли коробки, связки книг и ящики. Сам Вениамин, невысокий упитанный молодой человек с жиденьким хвостиком волос, облаченный в черную хламиду, сидел на единственном стуле и, казалось, спал. Приглушенный свет шел из-за коробок и делал скорее темно, чем светло.

Коля с папой стояли на пороге уже пять минут, но Вениамин не шевелился. Папа погладил Колю по голове, переступил с ноги на ногу и кашлянул. Вениамин выкинул вперед правую руку и грудным низким голосом проговорил:

– Вас мучают видения и кошмары, вы не спите по ночам, все думаете, как от них избавиться. Вы волнуетесь за своего сына, что он стал хуже учиться. Вы не находите себе места, и от этого у вас возникают проблемы на работе. Вы постоянно ссоритесь с женой и потеряли аппетит. – Казалось, еще чуть-чуть, и папа упадет под грузом таких обвинений. – Вы... – торжественно произнес колдун, открыл глаза и ласково улыбнулся. – Не волнуйтесь. От всего этого мы поможем вам избавиться. Вы забудете обо всех невзгодах, когда-либо посещавших вас, мы вернем вас к нормальной жизни. – Он взмахнул руками, и с потолка стал медленно опускаться стол. – Расскажите нам о своих проблемах и будьте уверены, мы вам поможем.

Стол оказался рядом со стулом Вениамина, колдун положил на него руки. Опустившаяся вместе со столом свеча тут же загорелась, осветив круглое лицо мага с ярким румянцем.

Папа замялся.

– Я, собственно говоря, не из-за себя пришел. У меня мальчик... – Что говорить дальше, он не знал.

– Ах, шалун, – приторно-сладким голосом забасил великий колдун. – Что же он такое натворил?

– У него видения, – заторопился папа. – Он видит скелеты и покойников, за ним гонялся трамвай и пираты с «Летучего голландца». Вы думаете, от этого можно спасти?

Свеча дернулась, вспыхнув ярче. В ее свете стало видно, как вытянулось лицо мага. Улыбка исчезла, щеки обвисли, исчез румянец. Челюсть дрогнула.

– Это началось после того, как мой сын принес домой странный медальон, – не замечая происходящих с Вениамином перемен, продолжал папа. – Коля, где он у тебя?

– У меня его нет, – прошептал Вафел, с удивлением глядя на мага.

– Куда же ты его дел? Впрочем, неважно. Это старинный медальон со знаком «Летучего голландца», приятель подарил. С тех пор он стал плохо спать, видеть кошмары, а сегодня кто-то разбросал по всей комнате книги и порвал простыню. Мне даже показалось, что я видел сидящий на кровати скелет!

– Так, стоп! – хлопнул в пухлые ладони Вениамин.

Стол тут же сорвался с места и полетел вверх, там он приклеился крышкой к потолку, отъехали в разные стороны ножки. Одна задела коробку, стоящую на самом верху. Она опро-

кинулась, из открывшихся створок посыпались книги. Вениамин проявил чудеса ловкости. Он отскочил в сторону, уворачиваясь от падающих книг.

– Я не могу вас принять, – орал он, прыгая по комнате. – Средневековые суеверия не моя специализация.

Коля наклонился, чтобы помочь колдуну собрать книги. Ему бросилось в глаза название «Легенды Средневековья».

Точно такая же, как у него!

Вениамин вырвал из его рук находку.

– И вообще, я больше не занимаюсь практикой. Уходите! Вы мешаете мне общаться с моим астральным собратом. Ешьте витамины, и у вас все пройдет. Уходите! Иначе громы небесные прогремят над вами, на голову падет божественное проклятие, и бесы будут потешаться над вашими бедами. – Он опять метнулся к Семенову. – Где ты видел пиратов?

– Он дома видел, – за сына ответил папа. – В своей комнате. А еще...

– Достаточно, – взвизгнул Вениамин, отступая в глубь темной комнаты. – Никакое это не проклятие. Отдыхать надо больше, гулять на свежем воздухе. И ничего не будет. Ничего! Ничего! – Маг исчез.

Запахло паленым. Коля сидел на полу, поэтому он смог заметить, что комната была перегороджена черной занавеской. За ней-то и спрятался Вениамин. Но тут занавеска снизу начала искривиться, вспыхнуло пламя, потянуло дымом. За шторой задвигались, затопали.

– Оror! – взвыл Вениамин. – Прекрати!

Занавеска опять колыхнулась, из-за нее выглянул высокий худой мужчина в белом халате. Увидев посторонних, он тут же спрятался. Мелькнула плотная фигура Вениамина. Лицо его было искажено, глаза выпучены, щеки тряслись.

– Уходите и не появляйтесь здесь больше. Уходите. Проклятие, на вас лежит проклятие. Бегите отсюда и не оглядывайтесь!

За его спиной клубился дым, становилось нечем дышать. Папа сгреб в охапку сына и выскочил за дверь. Выбравшись на улицу, они посмотрели друг на друга.

– Сумасшедший, наверное, – пожал плечами папа. – Таких много.

– Что он кричал про проклятие? – осторожно спросил Коля.

– Ерунда какая-нибудь. Понял, что не сможет нам помочь, и решил избавиться. Не бери в голову. Может, тебе и правда все только показалось? Медальон-то ты куда дел?

– Медальон? – переспросил Коля, и перед ним промелькнули все события прошедшего дня. – Медальон?.. – Его же забрала та девушка в белом. – Он... не у меня.

– Не отдавай никому, а лучше верни своему приятелю, пусть положит на место.

– Хорошо, папа.

И они зашагали к дому. Всю дорогу Коля чувствовал себя неуютно, у него не выходила из головы сцена, случившаяся в комнате колдуна. Ему все казалось, что Вениамин соврал, что он отлично знает, как им помочь, только не хочет. А еще ему все время слышались шаги за спиной, как будто кто-то крался за ними. Но было уже поздно и темно, поэтому, сколько Коля ни вертел головой, не мог никого заметить.

Глава V

Охота с привидениями

– Эй, Вафел? Это ты? – орал в трубку Валька.

– Минутку, – раздалось в ответ. И глуше добавили: – Николай, что у тебя за друзья? Как они тебя зовут! Ты бы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.